

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЧТО ЭТО?

Материалы заседания
25 мая 2024 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Смирнов Андрей Вадимович

академик РАН, доктор философских наук,
ВРИО первого заместителя директора по научной работе
Института философии РАН, президент Российского
философского общества

Касавина Надежда Александровна

член-корреспондент РАН, доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института философии РАН

Козловский Владимир Вячеславович

доктор философских наук,
директор Социологического института
ФНИСЦ РАН

Браславский Руслан Геннадьевич

кандидат социологических наук,
заместитель директора по научной работе
Социологического института ФНИСЦ РАН

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Цивилизационные основы РФ

Материалы заседания 25 мая 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2025

УДК 008(470+571)(063)

ББК 60.033.145.2я431

Ц58

Цивилизационные основы РФ : материалы заседания 25 мая 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с. – ISBN 978-5-6052881-7-6

Сборник включает доклады, посвященные обсуждению содержания понятия «цивилизация» в широком теоретическом аспекте, а также анализу цивилизационных основ российского общества.

В выступлениях специалистов в области философии, социологии и других отраслей научного знания поднимаются вопросы, не имеющие на сегодняшний день однозначного ответа: что следует понимать под термином «цивилизация»? В мире существует одна цивилизация, или их множество? Каково соотношение цивилизации и культуры?

УДК 008(470+571)(063)

ББК 60.033.145.2я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6052881-7-6

© Тосуян Г.А., составление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	11
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	15
Доклад 1 акад. СМИРНОВ А.В.	25
ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?	
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – акад. СМИРНОВ А.В.	48
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – акад. СМИРНОВ А.В.	53
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – акад. СМИРНОВ А.В.	58
проф. МОМДЖЯН К.Х. – акад. СМИРНОВ А.В.	62
Доклад 2 чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	65
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	80
САВАТЮГИН А.Л. – акад. СМИРНОВ А.В.	82
д. э. н. КУЛИКОВ Н.И.	84
акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	86
д. э. н. КУЛИКОВ Н.И.	88
к. г. н. АКСЕНОВ Г.П. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	89
ГНУСАРЕВ С.А. – акад. СМИРНОВ А.В.	90
акад. СМИРНОВ А.В.	95
акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. СМИРНОВ А.В.	99
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	101
акад. ТОСУНЯН Г.А.	102
Доклад 3 д. филос. н. КОЗЛОВСКИЙ В.В.	104
ПОЛИМОДЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	

Доклад 4 к. социол. н. БРАСЛАВСКИЙ Р.Г. 121

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

акад. ХАБРИЕВА Т.Я.	135
к. г. н. АКСЕНОВ Г.П. – академ. ТОСУНЯН Г.А.	144
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	154
акад. СМИРНОВ А.В. – к. социол. н. БРАСЛАВСКИЙ Р.Г.	156
СМОЛИН В.С.	160
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А.	162
акад. УГРЮМОВ М.В.	164
к. э. н. МАРДАНОВ Р.Х.	170
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – академ. УГРЮМОВ М.В.	175
ГНУСАРЕВ А.В. – академ. СМИРНОВ А.В.	177
акад. СМИРНОВ А.В.	179
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.	181
д. филос. н. КОЗЛОВСКИЙ В.В.	183
к. социол. н. БРАСЛАВСКИЙ Р.Г.	184
акад. ТОСУНЯН Г.А.	186
чл.-корр. КАСАВИН И.Т.	187
акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	190

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	198
--------------------	-----

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, открытых дискуссий Президента АРБ и НИИ ДДиП	202
--	------------

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руко-
водитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований национа-
льной безопасности России Экс-
пертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассо-
циации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального иссле-
довательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Инсти-
тута системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ**

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

**ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

**ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ**

д. филос. н., профессор

**ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ**

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 114 «Рабочих завтраков у Госуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 84 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Следуя традиции, начинаем наше заседание.

Мы с Абдусаламом Абдулкеримовичем рады видеть всех на заседании нашего Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества совместно с Институтом Доверия, Достоинства и Права, которое проходит на площадке Ассоциации российских банков

Наша встреча традиционно проходит в формате «Рабочего завтрака», который мы проводим уже более 30 лет.

Вместе с Научно-консультативным советом с 2020 года мы объединили эти мероприятия.

Сегодня на заседание зарегистрировалось 43 представителя науки, вузов, в том числе 17 членов академии. Банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты – всего более 110 человек с учетом Zoom.

Очно присутствует более 20 человек.

Тема сегодняшнего заседания – «Цивилизационные основы Российской Федерации».

Само понятие цивилизации крайне обширное и неоднозначное, поэтому дискуссионное.

Особенно в нынешних условиях обострившегося противостояния в мире, в условиях глобальных изменений в архитектуре миропорядка.

На наших глазах происходит перестройка центров влияния, меняются правила, которые раньше казались неизблемыми в течение довольно длительного периода истории.

В научном дискурсе существуют различные цивилизационные теории и критерии выделения цивилизации.

С одной стороны, характеристикой цивилизации является ее независимость и самодостаточность; с другой стороны — ее вписанность в глобальные процессы и возможность определяющего влияния на них.

Ввиду этого подходов может быть очень много, в том числе к цивилизационной специфике российского государства.

Мы сегодня будем рассматривать преимущественно российскую цивилизацию, и это тоже дискуссионная и непростая тема.

В прошедшую субботу в Лесных Далях состоялось заседание Совета по внешней и оборонной политике, который проводится уже на протяжении 30 лет ежегодно в апреле-мае.

На заседании министр иностранных дел Лавров выступил с довольно обстоятельным докладом, и одним из лейтмотивов его выступления была тема России как государства, цивилизации.

Так получилось, что совпало.

Мы с коллегами запланировали это мероприятие полгода назад, до мая шла его подготовка.

И на Совете тоже тема была задана – вопрос о возрасте человечества как единого организма, который находится, по крайней мере по моему мнению и мнению многих коллег, на одной из начальных стадий своего развития.

Человечество как единый организм – эту тему затронул Борис Вадимович Межуев из Института научной информации. Он, наверное, у нас в Zoom присутствует.

Интересная тема. Так или иначе, мы сегодня ее тоже будем обсуждать.

Проблемы общности человечества особенно остро проявляются в финансовой сфере.

Не могу не упомянуть, что Россия является лидером по количеству применяемых к нам санкций. После нас – Иран, Сирия и Северная Корея.

Мы рассматриваем финансовую банковскую систему по аналогии с системой кровоснабжения всего человечества как единого организма.

Я думаю, такая аналогия вполне имеет право на жизнь.

И в этой логике отсечь одну часть организма от «кровоснабжения» без последствий для всего остального организма невозможно. То есть, когда применяешь подобного рода меры, надо понимать, что это потом отражается на всем организме.

Нельзя кого-то изолировать в мировой экономике, заключить в резервацию с подачи какого-то доминирующего государства.

Это не лучший подход для решения политических задач.

Наоборот, мне кажется совершенно справедливым в эффективном обществе, причем любого масштаба — это и коллектив, и район, и государство, и континент, – что конфликты надо минимизировать, а не всячески инициировать их и потом мультиплицировать.

Человечество, если осознает себя как единый организм, то тогда поймет, что нужно защищать себя, а не разрушать.

Я, казалось бы, произношу банальные истины.

Но эти банальные истины надо все-таки понять, ими проникнуться и ими руководствоваться.

И дальше не поленюсь и в разных аудиториях буду их повторять, чтобы все понимали: мы – единый организм.

И у самого этого организма есть множество острых проблем, которые необходимо решать, и решать их сообща.

Эти проблемы можно перечислить, начиная от природных, техногенных проблем, заканчивая социальными:

— космос несет с собой определенные риски,

— происходит истощение полезных ископаемых на Земле,

— большую напряженность создает проблема терроризма,

— существенную роль играет проблема неравномерного развития государств,

— а внутри государств существуют проблемы бедности и социального расслоения,

— и так далее.

Невозможно в рамках одного отдельно взятого государства и отдельно взятой территории сформировать идеальный мир.

Он не будет устойчивым, если вокруг царят совсем другие условия.

Поэтому проблемы, которые стоят перед человечеством, актуальны и для России.

Я выделю пару таких проблем.

В частности, проблема социального расслоения¹.

¹ Мы эту тему рассматривали на нашем заседании, есть изданный по результатам этого доклада сборник «Социальное неравенство». Заседание было ровно год назад, в июне 2023 года.

В 2023 году в России на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30% общего объема денежных доходов.

На долю 10% наименее обеспеченной части населения – всего 2%.

Пятнадцатикратная разница.

Такой значительный разрыв подтверждает и коэффициент Джини, определяющий расслоение общества по уровню доходов.

Хочу отметить, что только по итогам 2023 года в России коэффициент Джини вырос до 0,403 в сравнении с 0,395 в предыдущем году.

То есть этот коэффициент продолжает расти в имеющихся сложных условиях.

Для сравнения, страны с самым низким расслоением – это Норвегия, Словакия, Словения, у них коэффициент Джини 0,24.

Возникает вопрос: можно ли планомерно, эффективно развиваться на мировой арене в условиях сильного внутреннего расслоения?

И быть при этом привлекательными для инвестиций в свою страну и в свою валюту?

Мы над этим должны в первую очередь думать.

Не только о внешних проблемах, но, в первую очередь, как часть цивилизации думать о собственных внутренних проблемах.

Конечно, разница в доходах – богатых и бедных – неизбежна.

Но, когда это неравенство достигает критических масштабов, это представляет реальный риск для

устойчивости системы и может быть чревато серьезными социальными катаклизмами.

Возможно, поиск самобытности и «исключительности» пути нашей страны как цивилизации следует рассматривать через построение эффективной экономики, которая обеспечит «исключительно» высокий уровень жизни людей и «исключительно» высокую степень их свободы. Такая исключительность, я думаю, всем пришлась бы по душе!

Потому что на протяжении своей истории мы принимали ряд попыток построить экономику, основанную на разных принципах.

И докапиталистический крепостнический строй у нас был, потом был капитализм, потом пытались строить социализм, потом – капитализм по западному варианту.

Но, видимо, не учли наших национальных особенностей и не сумели найти главную объединяющую идею.

Поэтому смею предположить, что цивилизационный вызов для России состоит как раз в том, чтобы, повторю еще раз, построить эффективную экономику, отвечающую в первую очередь **интересам большинства**, а не отдельных «избранных» слоев населения страны.

Наверное, мы должны признать, что не имели до сих пор и не имеем пока четкой экономической общественной стратегии, понятной для всех граждан и разделяемой большинством.

Наши действия достаточно хаотичны и требуют доработки.

Они представляют скорее реакцию на внешние угрозы и стимулы.

А нам надо добиться выверенной стратегии внутреннего развития.

Одна из острейших проблем в экономике – это изменения в налоговой политике.

Мы в начале нулевых реформировали налоговую систему путем введения плоской шкалы. Это тогда было правильное решение и помогло вывести значительную часть средства бизнеса из тени.

Теперь, конечно, надо реформу совершенствовать!
Но не так, как сейчас предлагается.

Прогрессивная шкала, безусловно, нужна, но только надо понимать, с какого конца она должна начинаться.

Наверное, она должна начинаться с правого края – с максимальных доходов миллиардеров и мультимиллиардеров, а не с серединного слоя.

И она должна начинаться с двух концов.

Там, где нищенский уровень, там просто надо освободить людей от налогов, это очевидно.

А мы влезает в середину функции распределения по доходам и начинаем утверждать, что те, кто получает 3 миллиона в год, это уже состоятельные люди, их надо быстренько, в срочном порядке обложить дополнительным налогом.

Понятно, что это проще сделать, поскольку их количество хоть и велико, но их административный ресурс ограничен.

Поэтому они не будут так сильно сопротивляться, как узкая прослойка мультимиллиардеров, которые обладают колоссальным административным ресурсом и косями лягут, но не дадут в разы увеличить налоги на их мультимиллиарды.

Этот «правый хвост» функции распределения по доходам включит весь арсенал своих лоббистских возможностей, чтобы этого не произошло.

Это, конечно, предмет отдельного обсуждения, но очень важный показатель цивилизованности общества. Не привести его я не мог.

Я отошел немного от темы нашего заседания, коснувшись прикладных вопросов.

Но социальное расслоение, налогообложение — это наглядные и очень яркие примеры мы, которые будут определять вектор развития страны и наше будущее как цивилизации.

В заключение хочу сказать, что по результатам большинства заседаний (тех, которые наиболее интересны) мы готовим печатные издания.

Уже выпущено 27 сборников².

Вышла также новая версия каталога, в котором представлены все изданные сборники с указанием докладчиков и тем их выступлений.

Здесь лежат напечатанные издания, поэтому те, кто сегодня присутствует, могут книжные варианты взять.

В электронном виде каталог тоже можно получить и через QR-коды в каждое из этих изданий войти и иметь его электронную версию.

За последнее время мы обсуждали разные темы.

Из печати вышел сборник «Искусственный интеллект», докладчиками были академик Лекторский, академик Ушаков и академик Аветисян.

² На момент печати данного сборника выпущено уже 38 изданий.

Издан также сборник «Китай: материалы открытой дискуссии. Социальный рейтинг в Китае». Это материалы заседания нашего совета 27 мая прошлого года. Докладчики – профессор Маслов из Института стран Азии и Африки, Карпов из Школы востоковедения и Виноградов из Центра изучения современного Китая.

Все желающие могут эти сборники получить.

Перейдем к повестке дня, которая у всех есть.
Представлю наших докладчиков.

Первый доклад – «Что такое цивилизация?»

Докладчик – академик Смирнов Андрей Вадимович, президент Российского философского общества, член руководящего комитета Международной федерации философских обществ, главный редактор «Философского журнала», признанный специалист в области арабской философии.

Я все жду, когда Андрей Вадимович сделает нам доклад по арабской философии. Особое место в его исследованиях занимает разработка «Российского проекта цивилизационного развития на современном этапе».

Содокладчик по первой теме – Касавина Надежда Александровна, член-корреспондент Академии наук и главный научный сотрудник Института философии РАН.

Второй доклад – «Полимодельный комплекс цивилизационного развития России».

Докладчик – Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, директор Социологического института РАН.

Третий доклад – «Цивилизационное конституирование российского общества: социологический анализ».

Докладчик – Браславский Руслан Геннадьевич, кандидат социологических наук, заместитель директора Социологического института РАН, заместитель главного редактора «Журнала социологии и социальной антропологии».

Пожалуйста, Андрей Вадимович, Вам слово.

ДОКЛАД 1

СМИРНОВ А.В.

акад. РАН, врио первого заместителя директора по научной работе Института философии РАН, президент Российского философского общества

ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Уважаемые коллеги, доброе утро!

Я вас приветствую, очень рад быть с вами.

Спасибо, Гарегин Ашотович, что пригласили, поскольку это возможность поделиться своими соображениями и результатами исследований с очень широкой и представительной аудиторией.

Два предварительных замечания.

Должен сказать, что, конечно, все, кто участвует в этих завтраках, все вы – твердые жаворонки, настоящие, подлинные. Что касается меня, то я – патологическая сова.

Поэтому заранее прошу прощения за те несовершенства моего доклада, которые будут вызваны несопадением этих биоритмов.

Это первое предварительное замечание.

Второе.

Формулировка «Российский проект цивилизационного развития» – это не моя формулировка, это плод коллективного творчества.

Вообще говоря, это формулировка одной из нескольких крупных тем госзадания нашего института.

Но эта тема именно в такой формулировке как раз в этом году заканчивается, и мы подводим промежуточные итоги.

Надежда Александровна, которая тоже будет выступать, вместе со мной осуществляет руководство этим проектом.

Уже вышла одна монография, сейчас практически подготовлены к выходу еще две. В этом смысле будет книжный итог.

Я, немного запоздав, все-таки буквально на днях закончил для этого коллективного труда статью с тем же названием, как и мой доклад: «Что такое цивилизация?», объемом больше чем три авторских листа.

И когда я перечитал эту статью, то понял, что ничего не сказал. Или почти ничего не сказал, разве что обозначил пунктиром.

Я это говорю для того, чтобы просто все понимали: тема такова, что, конечно, ни за 20 минут, а может быть, и за 20 лекций ее не поднять.

Поэтому единственное, что я могу сделать, – это обозначить свой принципиальный подход, поскольку он, я думаю, отличается от того, что вы встречаете в литературе, отличается от привычных подходов.

И я хотел бы у вас попросить максимальной критики этого подхода.

Поскольку времени мало, а материал огромный, намечу некий категориальный каркас того, о чем я буду говорить.

Я хочу обозначить эти категории, чтобы зафиксировать на них наше общее внимание.

Первая тройка – это «культура», «большая культура», «цивилизация». Эти три категории будут держать весь разговор.

Еще одна пара категорий – «общечеловеческое», «всечеловеческое».

Они принципиально важны для понимания того, что такое Россия как цивилизация, поскольку в конечном счете это наша тема.

Эти категории необходимы, чтобы ответить на вопрос, в чем конкретно заключается самобытность России, как ее раскрыть.

И третья цепочка категорий – это «разум», «сознание», «смыслополагание», то есть способ осмысления.

Вот такой категориальный каркас, и я постараюсь двигаться, имея его в виду.

Надеюсь, вы тоже будете иметь его в виду, слушая.

Действительно, о цивилизации сейчас стали говорить много.

Было время, когда историки определенного теоретического направления едва ли не сдали все это в утиль, говоря, что это отжившее и не имеющее значения.

Сейчас снова все говорят о цивилизации.

Но важно, чтобы не было «инфляции» смысла, чтобы не было затертости.

Слово «цивилизация», как мне кажется, иногда употребляется так, что от него вполне можно было бы и отказаться.

Потому что какое содержание в нем, по крайней мере в некоторых исследованиях?..

Я постараюсь показать, каково подлинное содержание, на мой взгляд.

Уж извините, я буду говорить о своем видении, и естественно, о нем я говорю как о правильном.

Все остальное будет мной оцениваться как не очень правильное.

Иначе, если бы я так не думал, то, наверное, и не выступал бы.

Обозначу три группы неверных подходов к обсуждению цивилизации.

Первый заключается в том, чтобы вообще отрицать оправданность этого понятия в русле теорий о том, что цивилизация – это воображаемое сообщество.

Что на самом деле нет никакой цивилизации и люди едва ли не произвольно относят себя к той или иной группе – цивилизации или культуре.

Цивилизация рассматривается как такое сообщество, члены которого не входят между собой в реальное общение, и так далее.

Эта аргументация широко известна.

К этому примыкает аргументация тех теорий, которые говорят, что любой разговор о цивилизации или культуре – это эссенциализм.

Как будто эссенциализм, то есть указание на сущность, – это плохо.

Хотят сказать, что понимание культуры или цивилизации наподобие платоновской идеи как вечной сущности (примордиалистская, как у нас пишут, теория, то есть вечностное понимание культуры как неизменной сущности) неверно.

Конечно, неверно.

Но никто, кроме критиков этого самого примордиализма, и не понимает культуру как некую вечную и неизменную сущность.

Я не стану тратить время на то, чтобы разбирать всерьез эти аргументы.

Из моего изложения будет понятна оправданность категории цивилизации.

Второе отклонение от настоящего и подлинного пути заключается в том, чтобы признавать множественность цивилизаций и их оправданность, но брать некий произвольный признак в качестве основы классификации.

Особенно этим отличаются историки, которые берут первое, что попадет на глаза.

Выбирают некий яркий признак, религиозный или какой-то другой, и давай строить классификации. 10, 15, 20 – сколько угодно.

Но все дело в том, что как культура, так и цивилизация – это что-то целостное.

Как писал Шпенглер, мы можем говорить о морфологии культуры.

И ощущение целостности – это, безусловно, правильное ощущение.

Никакой единичный признак (каждый из которых очень важен), будь то религия или что-то другое, не отвечает за целостность культуры и цивилизации.

Поэтому каждая из таких классификаций, которые выстраиваются не философами, как правило, а историками или кем-то еще, произвольна и может быть заменена любой другой.

Еще одно отклонение.

Оно, вероятно, хронологически было первым как раз, то есть по хронологии мы, может быть, идем назад.

Это представление о том, что цивилизация существует в единственном числе.

Здесь я поспорю в каком-то смысле с Гарегином Ашотовичем насчет единого человечества.

Конечно, можно говорить о едином человечестве, если иметь в виду банковскую сферу и исключать тех, кто не пользуется банками.

Мы же сами сейчас оказались исключенными из некоторых банковских услуг.

Но все-таки жизнь не сводится даже к экономике, не говоря уже о банковской сфере.

Поэтому я был бы осторожнее с таким утверждением о едином человечестве.

Вместе с тем это самая древняя форма разговора о цивилизации, и она имеет своим основанием естественный биологический эгоцентризм.

Любой человек как биологическое существо сконцентрирован на себе: это просто необходимо для самосохранения, биологический инстинкт.

В каком-то смысле общественное сознание, если оно еще находится в таком состоянии начального развития, тоже центрировано на себе.

И вот этот эгоцентризм и индивидуального, и общественного сознания ведет к представлению о том, что цивилизация, про которую я знаю по своему опыту, так как живу в этой самой цивилизации, что она и есть общая для всех.

Отсюда и представление об общечеловеческом.

Сама идея универсальности разума и цивилизации основана на естественном герменевтическом ожидании, когда мы думаем, что другие устроены точно так же, как мы, – тут было бы интересно услышать мнение психологов.

Но мне кажется, что это естественная презумпция в любом общении – предполагать, что другой человек думает так же, как ты, того же хочет.

И только сталкиваясь с отрицательными результатами, только понимая, что это не так (но это понять можно только в опыте), мы начинаем понимать, что другие устроены по-другому.

Что они могут думать по-другому, у них могут быть другие цели.

Сейчас я имею в виду людей, но ведь то же самое касается культур и цивилизаций.

Здесь я хочу обратить ваше внимание на одну вещь.

По сути, это предварительное замечание, но оно крайне важное и содержательное.

Ведь любой разговор о чем бы то ни было зависит от нашего опыта.

Когда мы говорим о цивилизации, то каков наш опыт цивилизационного изучения?

Из чего мы исходим, когда говорим о цивилизации?

«Мы» – я имею в виду не здесь сидящих, а вообще всех, кто пишет о цивилизации и выдвигает те или иные теории.

Сейчас мир более-менее открыт и в смысле физического передвижения, и в смысле интеллектуального общения.

Мы же представляем себе, что есть многотысячелетние цивилизации, которые существуют на

протяжении кто четырех–пяти тысяч лет, кто трех тысяч лет, как европейская, кто чуть поменьше, но тем не менее тоже немало – полторы тысячи лет или даже больше (я имею в виду арабо-мусульманскую).

Это огромные, конечно, периоды.

И когда мы говорим о цивилизации, надо иметь в виду весь этот опыт, весь этот архив.

Это огромный текстовый архив с запечатленным в нем опытом.

В конечном счете весь опыт все равно доходит до нас через тексты.

Это и опыт социальной организации, политической организации, опыт развития науки, искусства и так далее.

Опыт человеческих отношений, мировоззрение, религиозная сфера, духовная сфера и прочее.

Весь этот архив должен прочитываться.

Это – архив человечества, которое представлено разными цивилизациями (исторически они, конечно, контактировали, но были автохтонными).

Только такое прочтение может дать какую-то более-менее надежную почву для того, чтобы хоть что-то вразумительное говорить о цивилизации.

Если же мы говорим о цивилизации и даем ей определение, исходя просто из своего обыденного опыта, тогда результат будет не очень хороший.

Знаете, как люди говорят о политике, о футболе...

Все разбираются в политике, все разбираются в футболе, все знают, как лучше забить мяч противнику...

Итак, вот, как мне кажется, три основные группы подходов.

Первое – вообще отрицать оправданность использования категории «культура» или «цивилизация».

И говорить о том, что есть только случайно возникающие неустойчивые сообщества, что нет никаких границ, а идет общение поверх границ.

Второе – говорить о множественности цивилизаций, но брать для их классификации случайные признаки.

Третье – считать, что цивилизация едина, что развитие идет от дикости к цивилизации, объединяя все человечество.

А как правильно-то?

Как сделать то, о чем я говорю?

Как правильно подойти к цивилизации, как схватить ее нутро?

Дело тут в том, что, когда мы читаем архив любой культуры или цивилизации, включая свою, мы используем определенные теоретические инструменты.

И фокус в том, что эти инструменты созданы именно той цивилизацией или той культурой, к которой мы принадлежим.

Но любой человек думает, что эти инструменты абсолютные.

Что это за инструменты?

Это базовые категории и логика.

Например, закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, другие базовые категории.

Если мы говорим о философии, мы знаем такие категории, мы знаем, что такое философия и прочее.

Мы знаем, что такое музыка, что такое поэзия и так далее, мы всё это знаем.

У нас в голове всегда есть априорный чертеж культуры.

Но он создан нашей культурой, мы его взяли из своей культуры.

Вопрос в том, приложим ли он к другой культуре.

Вот это большой вопрос, и в этом самая главная трудность.

Не эмпирия.

Потому что эмпирия – это само собой, но это просто некоторые усилия: мы должны прочитать этот архив, мы должны выучить китайский язык, прочитать кучу китайских текстов.

На это можно потратить три жизни, но это одна задача.

А другая задача – это инструментарий.

Обладаем ли мы правильным инструментарием для того, чтобы читать этот архив, адекватен ли этот инструментарий?

Я имею в виду теоретический инструментарий.

Не китайский язык, а теоретический инструментарий.

Это фундаментальный вопрос.

Почему?

Потому что цивилизация – это, вообще-то говоря, всё.

Потому что сегодняшний человек вне цивилизации не существует.

Мы же в природе никогда не бываем.

Маугли, может быть, оказался один на один с природой, а нам природа дана исключительно через цивилизацию.

Благодаря современной физике (Гарегин Ашотович представляет физику здесь) мы знаем, что то, что мы видим, слышим, осязаем, воспринимаем на вкус, – это не реальность.

Это наши ощущения, работа нашего мозга, нашего сознания.

А подлинная реальность – это что?

Это волновые функции, что-то такое, что для обычного человека, вообще говоря, за семью печатями, – это наука.

Природа (то, что на самом деле является природой) – это наука.

А то, что мы считаем природой за окном, – это результат нашего восприятия того, что есть на самом деле.

И это всё цивилизация.

Мы всё имеем через цивилизацию.

Что значит «всё»?

А всё – это наше сознание.

И здесь для меня ключевой момент.

Сознание и цивилизация сопрягаются в этом пункте.

Для того чтобы понять, что такое цивилизация, для того чтобы понять, сколько цивилизаций, она одна или их много, надо понять, что такое сознание, что такое разум, что такое типология разума.

Оправданно ли это понятие, или разум универсален и один, как это всегда думалось до сих пор?

И так в общем и целом, за единичными исключениями, думает и европейская философия.

Вот это будет действительно настоящий разговор.

Ясное дело, что я не могу здесь его разворачивать просто в силу того, что это не тот формат, не та возможность.

Но, если будут какие-то вопросы, я могу об этом поговорить.

Теперь сразу перейду к выводам, вытекающим из того исследования, которое на протяжении многих лет проводилось и еще будет проводиться мной и моими коллегами.

Выводы следующие.

Я вам говорил про категориальный каркас: «культура», «большая культура», «цивилизация».

Что такое большая культура?

Большая культура – это не конкретная культура, которая может быть идентифицирована по этноязыковым, географическим, политическим и так далее признакам.

Это абстрактное понятие, которое вводим мы.

Большая культура – это сообщество конкретных культур, из которых каждая идентифицируется таким образом и которые объединены типом смыслополагания (в более привычных терминах – типом сознания или типом рациональности, хотя тип рациональности – это более узкое понятие, чем тип сознания или тип смыслополагания).

Таких типов смыслополагания, которые сполна развернули себя в истории человечества как большие культуры, четыре.

Это европейская большая культура, арабо-мусульманская большая культура, индийская большая культура и китайская большая культура.

Россия не в этом ряду, она стоит особо.

У нее особое положение, и я потом об этом скажу.

Теперь конкретные культуры, которые входят в состав большой культуры.

Они могут возникать в ходе исторического развития, возникать, умирать, сливаться, разделяться и так далее, то есть это подвижное сообщество.

Большая культура – это исторически подвижное, хотя на каждом этапе определенное, сообщество конкретных культур, которые объединены типом смыслополагания, типом разума, типом сознания.

Для Европы – понятно, это не обязательно разворачивать.

В составе арабо-мусульманской большой культуры есть арабская культура, она конкретная, мы ее можем идентифицировать в ее историческом развитии.

Есть иранская культура, есть тюркская и так далее.

А что такое цивилизация?

Цивилизация – это, если образно говорить, тело большой культуры, которое она создает в своем развитии.

Мы можем говорить о цивилизации тогда, когда можем указать на формы общественной организации, политической организации, правовой.

Право, этика, наука, мировоззрение, эстетика, духовная сфера и так далее (я, может быть, не всё перечислил).

Но каждая из них (это важно) основана на той логике, которая задана базовым для данной большой культуры типом смыслополагания, типом рациональности.

Почему? Потому что тип смыслополагания, кроме всего прочего, определяет и тип субъектности.

Мы говорим, например, про западный индивидуализм (кстати, это подробно описано в нашем труде).

Субстанциальность, атомарность, индивидуалистичность стоят на очень твердой логической основе.

Потому что только так ты можешь обеспечить поле своей свободы, отрезая себя от всего остального.

Отсюда – всё, что мы видим и в историческом развитии, и то, что сейчас.

То, что мы принимаем или не принимаем.

Чаще не принимаем – скажем, такие вещи, как ювенальная юстиция, – но это все идет отсюда.

Другой тип субъектности – когда исходным является не индивид, а система индивидов.

Система – главное.

Это Китай.

Пока вы не зададите систему, то есть некую комбинацию, некоторую ситуацию, у вас нет человека вне этого.

Есть другой тип индивида, который всегда обращен к собеседнику, то есть к другому, он обретает себя только в обращенности к другому.

Не индивидуально, а именно в обращенности.

Только в таком диалогизме он конституирован онтологически.

Это другой тип субъектности, его мы находим в арабо-мусульманской большой культуре.

Коль скоро так, то и этика, и эстетика, и общественная организация, и политическая организация, мировоззрение будут логически различными.

А это значит, что для их изучения нужны логически различные инструменты.

Но мы, обуреваемые идеей универсальности науки, предполагаем, что одну и ту же эстетическую теорию – одну и ту же логически, скажем, аристотелевскую, – мы можем применить не только к греческой поэзии, но и, вообще говоря, к любой.

Скажем, к арабской.

И тут мы промахиваемся принципиально.

Не можем.

Она не объясняет метафорику, потому что метафорика устроена принципиально иначе, на другой логике.

Если мы думаем, что современную западную политическую теорию можно применить для описания того, как устроена политическая власть в исламском обществе, я не уверен, что мы попадем в цель, потому что нужна другая логика.

И самое главное, почему я связываю сознание с типом смыслополагания.

Потому что, пока мы не откроем принципиально другой разум – не тот, с которым мы имеем дело в своей большой культуре, – до тех пор мы не сможем понять, как устроена другая большая культура и другая цивилизация.

Что эмпирически нам показывает, что существует большая культура, при том что «большая культура» – это абстракция, тогда как реально нам дана как предмет изучения всегда какая-то конкретная культура?

Не большая культура, а именно конкретная культура, например, английская литература, французская литература и так далее.

Но мы же можем говорить об истории европейской философии, об истории европейской литературы, европейского театра и так далее.

Мы можем предикаты «европейский» использовать. А что нам дает основание для этого?

Европа – это не какая-то отдельная конкретная культура.

Конкретно всегда есть немцы, итальянцы и так далее.

Что нам дает основание?

Дает основание только общность рациональности.

Общность типа разума, которая и позволяет поверх границ национальных культур всем им создавать что-то общее, вносить вклад в общую копилку и быть понятными друг для друга.

И границей с другой большой культурой является именно это различие типов рациональности.

Вот через эту границу трудно перейти.

Скажем, Гете пишет свой «Западно-восточный диван».

Он, конечно, великий человек, но эти подражания никуда не годятся.

Если великие европейские художники начинают подражать исламскому орнаменту, они вносят в него европейскую рациональность.

Это очень легко показать.

Исламский орнамент – настоящий, родной – никогда не строится так, как его строит любой европейский художник.

Более того, с точки зрения самой арабо-мусульманской культуры он не является орнаментом, то есть служит не для украшения.

Я могу продолжать подобные примеры бесконечно.

Почему исламское право не было кодифицировано, хотя они прекрасно знали, что такое кодификация, поскольку были знакомы с римским правом?

Сама идея была предложена, но она была отвергнута.

Почему?

Почему в исламском праве был отвергнут аристотелевский силлогизм как рациональный прием вывода новых норм?

Почему они изобрели свой особый силлогизм?

Надо же было изобрести.

А что им стоило использовать известный аподиктический силлогизм, самый простой?

Тем более что за это ратовали такие авторитеты, как аль-Газали и Ибн Хазм.

Почему?

И так далее.

Почему аристотелевская «Поэтика», которая была прекрасно известна и комментировалась, не была применена для того, чтобы описать метафорику арабской поэзии?

А арабская поэзия – одна из ярчайших сторон арабской культуры.

А позже и иранскую поэзию?

Почему они изобрели собственную теорию метафоры?

Они – люди очень прагматичные, и никогда ничего не изобретали, если можно использовать уже готовое.

Значит, были какие-то причины.

И причины эти заключаются именно в несовпадении типов рациональности.

Это можно продолжать бесконечно.

Но смысл в том, что есть четыре большие цивилизации, которые воплощают в своем историческом развитии и развертывании вот эти четыре большие культуры, эмпирически представленные конкретными культурами.

У нас нет эмпирически никакой цивилизации, но у нас всегда есть какая-то конкретная культура.

И мы говорим, что это такая-то цивилизация – например, китайская цивилизация.

Но она всегда эмпирически представлена тем или иным царством.

Или народным Китаем, или как-то еще.

Сейчас единый Китай состоит из материковой и островной частей.

Это всегда что-то конкретное.

Но стройность и теоретическую строгость этому придает только понятие большой культуры.

Теперь, если вы какую-то из этих больших культур или цивилизаций объявляете универсальной и пригодной для всех, то вы идете по пути, который назван общечеловеческим.

Вот это и есть общечеловеческое.

Западный глобализационный проект своим основанием имеет это.

То есть своим основанием он имеет третий из названных мною неправильных путей понимания цивилизации как универсальной, как общечеловеческой, как одной для всего человечества.

Что это означает?

Это означает в лучшем случае маргинализацию, а в худшем – вообще уничтожение логик других больших культур.

Вот это что.

Конечно, можно будет говорить об одной, универсальной европейской цивилизации, если всех людей превратить в европейцев.

Но разве кто-то всерьез считает, что это возможно?

История XX и XXI веков показывает, что крупные цивилизационные материи идут по другому пути, в противоположном направлении.

Посмотрите, подъем исламского сознания, начиная с 80-х годов прошлого века.

Люди моего поколения все это наблюдали на протяжении своей жизни.

Массовый возврат во всем к своим цивилизационным арабо-мусульманским формам – это факт.

То же самое в Китае, то же самое в Индии.

«Победоносное шествие» западного глобализационного процесса, конечно, поддерживается техническими успехами, удобством торговли и так далее.

Но оно сталкивается с очень серьезным противодействием, глубинным, ментальным, – с противодействием сознания.

Потому что понятно, что эти формы не совпадают с исторической логикой других культур.

Теперь перейдем к России.

Я думаю, что оправданным будет выражение «российская большая культура».

Какова же логика, которая стоит за этим?

Ведь если мы говорим о большой культуре, мы должны обязательно логику указать.

Особенность России, в сравнении с другими цивилизациями, заключается в том, что она не монологична.

Она многологична.

Потому что это – место развития разных цивилизаций.

Здесь и очень мощный европейский сегмент, и исламский, и индийский, представленный буддизмом.

Здесь и то, что мы находим в Сибири: традиционные верования народов Севера и прочее, с особым мировоззрением, с особым типом ментальности.

Тогда получается, что все эти цивилизационные очаги, которые есть внутри России, должны быть каким-то образом собраны.

Они не могут быть приведены к родовому единству, как хочет того европейская цивилизация, задавая некую общую рамку, в которую все должны вписаться, чтобы не было противоречия.

Нет.

Здесь мы должны это собрать каким-то особым образом.

И вот это собрание как раз и требует категории «всечеловеческое».

Не навязывание какого-то одного варианта логики всем, а собрание разных логик.

Вокруг чего, как это возможно?

Вообще говоря, традиция русской философии дает нам достаточно богатое категориальное поле, из которого мы можем черпать для того, чтобы описывать, как это происходит.

Это и идея соборности, но понятая уже не сугубо религиозно в христианском смысле, а понятая логически, как всесубъектность.

Потому что смысл христианской соборности заключается в том, что каждый является участником литургии, участником общего дела.

Не только священники, а все, включая всех верующих.

Это – общее дело, вокруг которого собираются.

Я думаю, что в этом направлении и следует искать.

Идея всесубъектности – как еще это может быть названо, обозначено категориально?

Я думаю, что это может быть обозначено категорией целостности.

Не целое, а целостность, то есть невозможность изъятия.

Вот это самое яркое, как мне кажется, выражение того, что подразумевают под русской идеей.

Что такое русская идея?

Есть разные ответы, разные варианты русской идеи.

Мне кажется, что Федор Михайлович Достоевский давно сформулировал эту идею в своем знаменитом пассаже, вернее, более чем в одном варианте, но это все одно и то же, одна и та же идея.

Идея, которую можно обозначить как идею «слезинки ребенка»: нельзя построить вселенское счастье, если в его основании хотя бы одна слезинка несправедливо замученного ребенка.

То есть никакая малая жертва невозможна, она уничтожает всё.

Вот эта идея сохранения, идея собирания и идея ответственности каждого, как мне кажется, и может лечь в основание русской идеи.

И последнее, что я хочу сказать.

Есть такие категории – «индивидуальное сознание» и «общественное сознание».

Каждая из больших культур внутри себя целостна.

Но именно потому, что она внутри себя целостна, человечество в целом не целостно.

Почему человечество в целом не целостно?

Потому что есть эти ментальные границы, ментальные различия.

Некоторые из них я обозначил, и можно продолжать довольно долго.

Так вот, как бы мы могли двигаться к желаемому состоянию собранности человечества?

А вот так мы и должны двигаться.

Именно так, как это осуществлялось исторически.

С ошибками, с трудностями и прочим.

Но это осуществлялось в истории России.

В этом смысле российский проект цивилизационного развития, если он будет успешным, если он покажет свою привлекательность, он и может стать проектом собирания разнологического человечества.

Потому что в индивидуальном сознании всегда присутствуют все логики и все типы рациональности.

Индивидуальное сознание не расколото, мы не шизофреники.

Оно каким-то образом скоординировано.

А вот общественное сознание так не скоординировано.

Значит, задача – привести общественное сознание всего человечества к тому состоянию, в каком находится индивидуальное наше сознание.

Но для этого нужно ясно выявить эти базовые логики, показать, как они работают, как они разворачиваются в формах большой культуры, как они «просвечивают» сквозь цивилизационное тело.

Извините, я чуть-чуть превысил регламент.
Спасибо.

Тосунян Г.А.: Ничего страшного, с огромным интересом все Вас слушали.
Пожалуйста, Жан Терентьевич.

чл.-корр. **ТОЩЕНКО Ж.Т.** – акад. **СМИРНОВ А.В.**

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Тощенко Ж.Т.: Андрей Вадимович, благодарю за Ваш доклад, за такие соображения, которые заставляют задуматься над рядом очень существенных, капитальных проблем.

В начале сообщения Вы сказали, что была ситуация, когда понятие «цивилизация» практически было сдано в утиль, господствовал формационный подход.

Сейчас ситуация другая: фактически формационный подход сдан в утиль.

Какова Ваша трактовка соотношения этих двух понятий – цивилизационный и формационный подход?

Это первый вопрос.

Второй.

В общем, эти проблемы коснулись применения к реальности.

Я встречал публикации, которые трактуют теперь конфликт по поводу Украины как цивилизационный конфликт.

Или его все-таки должны трактовать в иных понятиях, в иных категориях?

Каково Ваше мнение?

Спасибо.

Смирнов А.В.: Спасибо, Жан Терентьевич.

По поводу первого вопроса: я считаю, что формационный подход легитимен.

И вообще, если иметь в виду марксистскую теорию, почему бы нет?

Но здесь надо ограничить рамки.

В рамках европейской большой культуры, европейской цивилизации это все работает.

Наверное, есть определенные ограничения и можно что-то критиковать, но это работает.

Это рабочая теория.

За пределами европейской цивилизации эта теория перестает работать.

Я в силу своего уже не совсем молодого возраста помню попытки обнаружить эту пятичленку в так называемых восточных обществах.

Писались огромные многотомные труды, и академики возглавляли эти коллективы.

Но, как только это перестало быть обязательным, тут же все про это забыли, в отличие от настоящих исследований.

Поэтому в пределах Европы – да, для европейского общества формационный подход актуален.

Теперь о том, что касается Украины.

Я считаю, что если говорить о цивилизационном конфликте, то это конфликт не наш с Украиной, а наш с европейской цивилизацией, конечно.

А что, разве это какой-то секрет, что Украина с самого начала использовалась той страной, которую мы называем гегемоном?

Это один из этапов, и его нельзя изолированно рассматривать.

Посмотрите: 1999 год – Югославия.

2001 год – якобы какие-то оборванцы-мусульмане так ловко «посадили» два «Боинга».

Представьте себе, я говорил с профессиональными летчиками, и они подтверждают то, что мне интуитивно понятно.

Что тяжелый самолет, такой как «Боинг», не умея летать, нельзя точно воткнуть без всяких радаров и прочих вспомогательных средств, которые есть на настоящих аэродромах, где «Боинг» может просто автоматически сесть.

Как вы его воткнете в два небоскреба, именно в то место, которое обрушает всю конструкцию?

Так что версию с тем, что это были исламские террористы в тапках, нельзя рассматривать всерьез.

Ну, они так же, как в «Крокусе», могли быть конкретными исполнителями.

Но все это планировали, конечно, другие.

И после 2001 года идет Ближний Восток – Ирак, Ливия.

Они разрушили эти страны полностью.

В Алжире не совсем удалось, в Египте тоже не совсем удалось.

Потом – Сирия, Йемен.

Все названные страны – это наши союзники на Ближнем Востоке.

Это страны, где у нас было очень сильное влияние, включая так называемый человеческий капитал – людей, которые были лояльны к России.

Вот эти страны были разрушены.

Так постепенно к нам подбирались.

Подобрались теперь через Украину, найдя это слабое место.

И поэтому это конфликт, конечно, не с Украиной, а это конфликт с тем глобализационным проектом, который осуществляется.

Осуществляется он не первый год, не первое десятилетие.

И начал он осуществляться именно как глобализационный, вот так распознать силовым образом тогда, когда европейская цивилизация была уже на нынешнем этапе, который начался после Средневековья, то есть на современном этапе, когда она подошла к границам своего естественного роста.

Нужно было захватывать все больше и больше для того, чтобы поддерживать свой экономический рост.

Академик Вячеслав Семенович Степин говорил: «Это как велосипед, он должен ехать. Если он остановится, он упадет».

Это все должно расширяться.

Если процесс остановится, если не будет новых притоков, оно исчезнет.

Есть Россия, а дальше – Китай как существенное препятствие для американской гегемонии.

Если они устроят Россию, а затем Китай, они себе обеспечат главенство в мире еще на сто или больше лет.

Вообще, этого никто не скрывает, включая их самих. Здесь нет никакого открытия.

Поэтому Украина, конечно, это трагедия.

Потому что с ней у нас нет никакого цивилизационного конфликта.

Конфликт – я сказал, с кем.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, я вижу еще поднятую руку.

Давайте еще два вопроса, потом мы заслушаем со- докладчицу Надежду Александровну, а потом уже будем задавать вопросы по всему докладу.

Олег Анатольевич Ефремов из МГУ поднял руку, и Павел Алексеевич поднял.

к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – акад. СМИРНОВ А.В.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Ефремов О.А.: Спасибо, Андрей Вадимович, за очень интересный доклад.
У меня два вопроса.

Первый.

Вы упомянули об индивидуализме как важнейшем признаке европейской культуры.

Можно сказать, западной культуры.

Но можем ли мы говорить об индивидуализме в полном смысле этого слова применительно к европейскому Средневековью?

И не было ли очень серьезного сдвига между Средневековьем и Новым Временем, как раз в том числе в плане индивидуализма?

Это первый вопрос.

И второй, связанный с первым.

Скажите, пожалуйста, как специфический арабский разум или китайский разум может проявиться в конструировании, например, автомобиля, или в управлении самолетом, или в освоении космоса?

То есть не связаны ли какие-то процессы с тем, что в рамках индустриальной, и тем более постиндустриальной цивилизации «разумы» неизбежно будут сближаться?

Будут появляться какие-то общие компоненты, вне зависимости от контекста тех больших культур, о которых Вы говорите?

Спасибо.

Смирнов А.В.: Спасибо большое. Очень серьезный вопрос.

На первый проще ответить, точнее, ответ на него короче.

Конечно, я ведь говорил, что примордиализм или эссенциализм – это неверный подход к культуре.

И когда мы говорим о современном состоянии, мы не должны думать, что это было всегда.

Это относится и к индивидуализму.

Он не всегда был таким, каким он является сейчас, Вы правы.

Но это не значит, что он возник только в Новое Время.

Есть такая расхожая формула, что Европа – это Греция плюс христианство.

Она, скорее всего, верна.

И интерпретация христианства как учения об индивидуальной душе, которая только моя, которая неделима и над которой не властен никто.

Вы можете быть властны над моим телом, но не над моей душой.

Это вещи, которые, как мне кажется, идут из Античности и из Средневековья.

Все это составляет основу для светского индивидуализма Нового Времени.

Конечно, это все необходимо рассматривать в развитии.

Точно так же, как мы говорим применительно к европейским языкам, что в именных предложениях есть связка, она в них обязательна.

Или понятие бытия в философии и прочее.

Но это же все исторически развивалось.

Это не значит, что этого не было раньше, но этого не было в таком развитом виде.

Шло историческое развитие – от Аристотеля до нас.

В этом я согласен.

Теперь арабский разум и автомобиль.

Само понятие «арабский разум» как категория используется.

Известный марокканский философ Аль-Джабери, который умер в 2010 году, написал труд «Критика арабского разума» в четырех томах.

Там он развивает теорию арабского разума.

Тот автомобиль, на котором мы ездим, сконструирован, конечно, европейским разумом, что тут говорить.

Не знаю, как насчет автомобиля.

Но я знаю, что физику они развили другую.

И понимание времени у них было другим.

Принципиально иным, чем греческое.

Это тот редкий случай, когда «с точностью до наоборот» это все соотносится.

Скажем, если апории Зенона являются апориями в системе греческой рациональности, то в той рациональности, которая была развита мутазилистами, первыми арабскими философами, и дальше, в той теории времени, теории движения, эти апории не формулируются.

То есть это не апории, а правильные рассуждения.

Потому что время – это не протяженность, а череда дискретных моментов.

И так далее.

Это можно долго рассказывать.

Но к чему я это все говорю?

Есть свидетельства одного из современных физиков, который в силу своего, насколько я могу судить по фамилии, арабского происхождения, знает о мутазилитах, знает об этой концепции времени.

Он говорит, что современная физика и описание элементарных частиц, всей этой физической реальности хорошо ложится на мутазилитское представление о времени и мутазилитское понимание пространства и прочего.

Потому что оно совсем не европейское.

И то, что кажется нам необычным в квантовой физике, то вполне обычно в этой физике.

Если бы арабская или в целом исламская культура была бы успешной столь же, как и европейская, в продлении себя...

Потому что все-таки европейская культура прошла через три очень крупных парадигмальных этапа: Античность, Средневековье, Новое Время.

Этого не было в исламской культуре, не было такой парадигмальной смены.

Если бы она была успешна, может быть, они и изобрели бы что-то – телепортацию, например.

Не автомобиль, конечно. Автомобиль изобретен, и он не может быть другим, потому что он – автомобиль.

Но они, возможно, изобрели бы что-то, что соответствует их физике и их метафизике.

Потому что и механика тоже завязана на философию, физику, метафизику.

Но это все гипотетические рассуждения.

То, что есть какой-то резонанс с современными физическими теориями, это да.

А сближение – понимаете, что значит сближение?

Это все равно, что сближение мужчины и женщины. Оно возможно только в одном смысле, в смысле естественного сближения.

А если мы сделаем какое-то среднее существо, андрогина, ни мужчину, ни женщину, что это такое будет? Это ни то, ни другое.

Не надо сближать разумы.

Они хороши как таковые именно в своей полноте, в своем совершенстве.

Их надо исследовать как таковые, я думаю.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Павел Алексеевич.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – акад. СМИРНОВ А.В.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо большое.

Великий Колмогоров, бывало, говаривал, что мы понимаем друг друга по сочувствию.

Андрей Вадимович, Ваше выступление, безусловно, повышает уровень сочувствия людей, принадлежащих разным культурам.

Вы упомянули, что Гарегин Ашотович, во всяком случае отчасти, принадлежит к некоторой специальной культуре – у него первоначальное физическое образование.

У меня не физическое, правда, образование, но близкое к тому, математическое.

И физическое, и математическое наше образование совсем не склонно к мусульманским парадигмам.

Мы в детстве были поражены Фрэнсисом Бэконом, и никак от этого отстать не можем.

Поэтому то, что Вы говорите, трудно понимать даже на уровне слов.

И в качестве примера – для того, чтобы вызвать больше сочувствия, а следовательно, понимания, – не могли бы Вы хотя бы одно понятие мне объяснить?

Вы сказали, что в российской, в русской культуре присутствует соборность.

В китайской, по-видимому – Вы не говорили, но я догадался, – отсутствует.

В чем проявляется соборность русской культуры?

Спасибо.

Смирнов А.В.: Соборность я брал бы, во-первых, как факт христианской жизни, православной жизни.

Просто как факт.

Я не исследователь истории церкви.

Но во всяком случае русские писатели, которые этим занимаются, считают, что соборность изначально характерна для христианства вообще, под ней понимаются все-субъектность церкви как тела Христова, действенность всех верующих.

Все епископы равны, нет никакой иерархии епископов.

Что происходит на Западе?

Почему латинство неприемлемо для православия?

Почему соединение церквей невозможно?

По разным причинам, но прежде всего потому, что (я не свое мнение высказываю, в данном случае могу сослаться на Н.С. Трубецкого и других классических евразийцев), латинская церковь, поддавшись принципу формализма, выстроила иерархию, где во главе стоит папа, который узурпировал то, что должно принадлежать каждому члену церкви.

Не только епископам, то есть священнослужителям, но и каждому из верующих.

Итак, церковный, вероучительный смысл соборности: для православных соборным действием является литургия.

И второй, более широкий смысл соборности, вышедший за конфессиональные рамки.

Это идея о том, что субъектность каждого должна быть сохранена, что никто не может утратить свою силу и свою возможность действовать во имя общего дела.

Возьмите критику правового государства у классических евразийцев.

Она заключалась в том, что правовое государство – это государство, которое наделяет человека сугубо формальной субъектностью.

Оно, во-первых, низводит человека до формального субъекта права; во-вторых, наделяет его сугубо формальным правомочием.

Тогда как их задачей было наделить его реальным правомочием: не формальным правом действовать, которое для подавляющего большинства никогда не осуществляется в подлинном действии, а значит, остается формальным, а подлинным правомочием, которое предполагает действительно общее – соборное – действие.

И они искали те политические формы, которые позволили бы каждому члену общества обладать реальным правомочием, а не просто формальным.

Кстати говоря, я рискну все-таки сказать, раз уж речь зашла о математике.

Вот, например, алгебра.

Мы все знаем, что есть вещи материальные, а есть действия.

Но европейский взгляд (вспомним Фрэнсиса Бэкона) заключается в том, что в основу мира мы кладем материальные вещи – те, которые мы метафизически считаем субстанциями.

И все качественное многообразие, включая действия, мы привязываем к ним.

Потому что действия – это проявление свойств субстанции.

Я не знаю, как в современной физике, она, может быть, отходит от этого.

Но тогда это означает уже смену рациональности.

А основой арабского разума – если уж использовать выражение «арабский разум» вслед за аль-Джабири, –

является то, что в качестве метафизически устойчивого, того, что в мире существует, берется не субстанция, а действие.

Действие является «что», и дальше уже от этого все работает.

Скажем, алгебраическая формула $x=2y$ или $f(x)=2y$.

Это что, разве не действие?

Не может это быть понято как действие?

Когда мы говорим: $x=2y$, нам x и y , вообще говоря, безразличны.

Они могут быть любыми, мы их не знаем даже.

Но мы знаем действие – удвоение.

Оно – «что», о котором можно говорить, поскольку оно устойчиво, несмотря на бесконечную смену x и y .

Если брать метафизику этой алгебраической формулы, она представляет собой именно метафизику действия.

Перед нами действие удвоения, которое и является неким «что», о котором мы говорим.

А его качественная определенность – это, с одной стороны, x , с другой стороны, y , которые скоординированы как действительность и претерпевающее данное действия удвоения, но они могут быть разными, они могут меняться все время.

И сама идея алгебры как такой «действенной» (построенной на действии) конструкции не случайно родилась именно в исламском мире.

Но это требует подробного разбора.

Скажем, в арабской языковедческой традиции аналогичные приемы используются для того, чтобы объяснить, в частности, словообразование.

Такие же, как алгебраические приемы.

проф. МОМДЖЯН К.Х. – акад. СМИРНОВ А.В.

МОМДЖЯН К.Х.

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Момджян К.Х.: Андрей Вадимович, Вы выделяете четыре большие культуры и четыре цивилизации.

Скажите, пожалуйста, а что Вы скажете об испаноязычном мире с доминантой католицизма?

Он не тянет на большую культуру, как Вы думаете?

Смирнов А.В.: На большую – нет.

Он встроен в европейскую большую культуру, я думаю.

Если Вы имеете в виду Латинскую Америку, то о ней я не говорил.

Латинская Америка – это особая история.

Так же, как Африка, о ней я тоже не говорил.

Я говорил о том, о чем можно говорить уверенно.

Я не говорил, что существуют только четыре большие культуры.

Может быть, мы найдем что-то другое.

Может быть, если мы узнаем, как думали индейцы доколумбовой Америки, мы что-то еще найдем, какой-то другой тип рациональности.

Не исключено.

Или еще что-то где-то откроем.

Что касается современной Латинской Америки, то мне кажется, что тут идет взаимодействие европейской рациональности и родной – той, которая осталась от тех индейцев.

Но надо быть специалистом, чтобы об этом рассуждать.

Точно так же, как, например, в арабо-мусульманской большой культуре есть иранская культура, которая существенно отличается от арабской и по ментальности, и по другим характеристикам.

С одной стороны – доминанта логики действия, которая приходит в Иран и с религиозным мировоззрением, и со всей арабоязычной культурой.

С другой стороны – сопротивление родной иранской ментальности.

Очень интересно прослеживать, как эта игра происходит в текстах, в конкретных произведениях, в идеях и так далее.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, давайте послушаем содокладчика.

Я хочу сказать, что Вы подняли большой пласт проблем, в том числе проводя аналогию с физикой и математикой.

Кстати, в физике элементарных частиц есть понятие «корпускулярно-волновой дуализм». И здесь тоже имеется некоторое созвучие.

Я думаю, потом поговорим об этом.

Потому что, действительно, нельзя единообразно описать все, в том числе и в социальной, и в цивилизационной проекции. Наверное, здесь есть соответствующие противоречия...

Я принимаю Ваше замечание относительно того, что нельзя слишком упрощенно обобщать.

Но давайте в процессе дискуссии вернемся к этой теме.

Сейчас слово Надежде Александровне Касавиной, члену-корреспонденту Российской академии наук, главному научному сотруднику Института философии.

Пожалуйста, Надежда Александровна.

ДОКЛАД 2

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Спасибо за приглашение и возможность рассказать о наших поисках, которые связаны с темой цивилизации.

Я продолжу именно этот обозначенный тематический ракурс – разговор о том, что такое цивилизация.

Но сначала мне хотелось бы обозначить контекст своего сообщения.

Как уже было сказано, несколько лет в нашем институте ведется работа над темой «Российский проект цивилизационного развития».

Вопрос о содержании понятия «цивилизация» был особенно важен для первого, методологического этапа, когда мы (я имею в виду весь коллектив проекта) обратились к этому понятию, проблематизировали его.

Мы обозначали или переобозначали измерение цивилизаций, анализировали их на примере истории России и ее настоящего.

В своем сообщении я буду опираться на те работы, которые, как мне кажется, сформировали ключевую философскую повестку в этой области.

Они были созданы в том числе в Институте философии РАН в разные годы.

Мы их обобщили и представили в первой книге по нашему проекту, которая называется «Цивилизация – многозвучие смыслов».

Она объединяет тексты наших коллег по институту, которых сегодня уже нет с нами, но в разные годы они обращались к теме цивилизации.

Эти тексты сопровождаются аналитическими статьями, которые ввели эту проблематику в современный контекст.

Я выстроила свое сообщение так, чтобы охватить эти достижения.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что многие авторы говорили о том, что тема цивилизации – это своего рода маркер современности, ее проблемного поля, в каком-то смысле ее кризиса.

Нередко фиксируется совпадение интереса к проблемам цивилизации с переходными историческими периодами.

Собственно, сам этот интерес зачастую воспринимается как знак таких переходов, когда мыслители возвращаются к переопределению цивилизации как большого контекста существования, например, поколения или народа.

В нашей стране, как уже было сказано, изучение проблем цивилизации имеет особое звучание.

И об этом очень интересно написала Нелли Васильевна Мотрошилова.

В своей книге «Цивилизации и варварство» она показала роль цивилизационного подхода в становлении социальной философии и философии культуры современного типа в нашей стране.

Этот подход восполняет пробел в конкретных цивилизационных исследованиях после периода развития формационного подхода.

Мы помним, как много в 90-е годы в нашей стране выходило новой литературы, в которой обозначалась роль этого подхода.

В целом цивилизационный подход интерпретируется как более комплексный, контекстный, широкий в ряде аспектов по отношению к формационному.

Он обращен к культурно-историческим особенностям развития больших сообществ, выявлению того, что объединяет представителей этих сообществ и что отличает их друг от друга.

Мне хотелось бы выделить понятие «большие сообщества», поскольку в разных трактовках цивилизации оно присутствует.

В частности, в работах Николая Ивановича Лапина, который внес особый вклад в наш проект на первом его этапе.

Он как раз трактовал цивилизацию как способ жизнеустройства больших сообществ людей.

При этом в большей степени он писал не вообще о цивилизации, а о локальных цивилизациях.

Но есть путь и еще большего обобщения.

Уже упомянутый автор, Нелли Васильевна Мотрошилова, рассматривает цивилизацию как исторический процесс, который высвечивает понятие человечества в его исторической целостности.

Человечество – это еще один контрапункт в понимании цивилизации.

И развитие цивилизации – это становление возможности существования человечества как целостности.

В свое время об этом писал и Ясперс, говоря о смысле и назначении истории, о цели истории, обосновывая идею единства истории и мира как великую идею.

Причем идею, которая в чем-то напоминает мечту.

Она скорее выполняет нормативные функции, то есть обозначает некоторые ценности, которые выступают на первый план, если речь идет об обращении к проблематике мирового равновесия.

Следует отметить, что эти размышления были особенно актуальными и острыми в тот период, когда они были высказаны.

А это вскоре после Второй мировой войны.

В ракурсе такого рассмотрения получается, что цивилизационный подход открывает большой простор созидательным тенденциям истории.

И указанные авторы также к этой перспективе обращаются – это внимание к эволюционному, а не революционному характеру развития.

Возможно, как раз это раскрывает понятие «самособирание» или «собирание», о котором говорит Андрей Вадимович.

Это термин, отражающий постоянный процесс накопления и трансляции опыта.

Философское понимание цивилизации связано с прояснением очень важного момента – соотношения цивилизации и варварства.

Скажу несколько слов об этом.

Отчасти данная позиция воспринимается как устаревший способ понимания цивилизации или как наследие европоцентристской традиции, когда варварством считаются те культуры, которые выходят за пределы этой большой культуры.

Но если говорить о некоторых современных смыслах, в том числе о тех, которые высказаны такими

авторами, как Нелли Васильевна Мотрошилова, Вадим Михайлович Межуев, то смысл варварства несколько иной.

Это не совокупность признаков, которая относится к какой-то отдельной культуре или историческому прошлому.

А это некоторая теневая сторона цивилизации, которая прорывается в современности в виде насильственных действий, в нарушении свободы и достоинства человека.

Свобода и достоинство – это еще один контрапункт понимания цивилизации.

Именно с понятием свободы связаны размышления, касающиеся тех магистральных ценностей, которые определяют развитие цивилизации.

Свобода личности, свобода индивидуальности, свобода частной жизни, творчества.

И здесь тоже есть ряд ярких работ, например, таких авторов, как В.С. Библер и В.Ж. Келле.

В целом свобода и достоинство человека трактуются как ключевые достижения цивилизации.

В этом ключе интересно вспомнить об идее Вадима Михайловича Межуева, который писал, что варварство или недоцивилизованность не должны маскироваться под видом самобытности.

Эта проблема его волновала.

Такой взгляд, в сущности, является возвращением к поиску универсальных качеств цивилизованности.

Собственно, это та основная задача, которую формулирует для себя и Нелли Васильевна Мотрошилова: в книге «Цивилизации и варварство» она очень подробно раскладывает измерение цивилизаций по сферам.

Например, сфера жизненного мира, личностных качеств, политическая сфера, социальное пространство.

Во всех этих сферах можно найти особые цивилизационные измерения.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в основе этих измерений как некоторое проективное их основание находятся ненасилие и свобода.

Это такие завоевания человечества, которые нельзя, конечно, считать состоявшимися.

Они выступают скорее как предмет философской веры, как идеальный проект или как идеальный тип (здесь я вспоминаю понятия Карла Ясперса и Макса Вебера).

И такого рода проекция фиксирует именно ценности как призыв, который направлен на возможное преобразование настоящего.

Например, Ясперс, ученик Вебера, в своих работах старается преодолеть утопический характер представления о единстве мира и истории, говоря об этом как о никогда не достигаемой ценности, но как о некотором мерцающем горизонте, который призван напоминать о гуманистических ориентирах исторического развития.

Если говорить о проблеме соотношения единства и своеобразия, универсального и уникального в становлении цивилизации или цивилизаций, то здесь, наверное, важны горизонты и единственного числа, и множественного.

Это одна из важнейших тем в данной области.

И разные авторы как будто все время задают себе этот вопрос: говорим ли мы о мировой цивилизации или о множестве цивилизаций?

И подчеркивают риски, ограничения или же достоинства того и другого взгляда.

Но, так или иначе, этот горизонт всемирной цивилизации не упускается из вида.

Существует ли цивилизация в единственном числе?

Эта тематика была очень важна, например, для Межуева.

Возникают и соответствующие метафоры: «симфония цивилизаций», «общий очаг» или «поток цивилизаций».

Но нельзя не отметить, что есть и совершенно противоположные тенденции.

Например, подчеркивание разрывов, расколов, разломов, акцентирование тематики столкновения цивилизаций, которую обозначил Хантингтон.

У нас, например, интересный автор, представляющий такую точку зрения, – это Вадим Цымбурский, который в своей работе «Остров Россия» обосновывает особое положение России, предлагает изоляционную доктрину.

Отмечу еще один ключевой момент, который, как мне кажется, важен в этой теме.

Есть попытки найти некоторое эмерджентное качество цивилизации, выявить ее параметры, измерения.

Но не те измерения, которые относятся к локальным цивилизациям.

Скорее, речь идет о возникновении особых системных качеств, которых нет у цивилизаций в отдельности.

Получается, что цивилизация в единственном числе – это не совокупность цивилизаций, это новая ступень, новый этап мирового развития.

Именно он рождает новые свойства.

И эта проекция отражает общее, что присутствует в этих цивилизациях, но выделяет сторону их единства, которая где-то надстраивается над их конкретной ролью в историческом процессе.

И мне кажется, что это как раз яркое выражение философского подхода к цивилизации, когда осуществляется поиск предельных категорий и смыслов, который раскрывает этот феномен.

Он, конечно, опирается на конкретные исторические воплощения, но во многом и формирует концептуальные возможности, позволяющие увидеть и исследовать эти воплощения.

Если говорить о соотношении представленных взглядов, которые можно назвать цивилизационным методом, то есть и подходы, которые связаны с уравниванием этих проекций.

Например, понятие, которое в свое время обосновывали Степин и Келле, – понятие типа цивилизационного развития.

Он также призван фиксировать промежуточное пространство между мировой цивилизацией и сферой локальных цивилизаций.

И понятие «большая культура», о котором сказал Андрей Вадимович, как мне кажется, тоже очень важная концептуальная веха в этом поиске равновесия.

Хотелось бы отдельно сказать о том, что трансформация философских дискуссий о цивилизации включает движение от понимания оснований ее кризиса к выявлению конкретных проявлений этого кризиса и возможности их решения.

Причем кризис связан с поиском некоторого идеального проекта цивилизации.

Если вспомнить дискуссии конца XIX – первой половины XX века, особую роль в это время играет большая тема трагедии культуры, которая широко представлена как в отечественной философии, так и в западной мысли.

Здесь на первом месте – интеллектуальное беспокойство по поводу духовного состояния общества, его мироощущения, мировоззрения.

Яркий пример – Альберт Швейцер.

Я упомянула о нем еще и потому, что мы собираемся отметить в 2025 году его 150-летие и готовим конференцию по философии культуры.

Свою книгу «Философия культуры» Швейцер начинает с больших разделов о кризисе западной цивилизации, трагедии культуры и поиске путей ее возрождения.

И многие книги того времени начинаются с этой темы.

Здесь хотелось бы акцентировать ваше внимание на том, что западная культура в первой половине XX века показала очень высокий уровень самокритичности, самоанализа, обращения к собственному состоянию.

Это по-своему свидетельствует об обратном – может быть, не о кризисе, а о высокой точке развития.

И это тоже маркер и веха цивилизованности.

Здесь уместно снова вспомнить работы Межуева, который весьма убедительно писал о том, что самокритичность, постоянная неудовлетворенность собой на цивилизационном уровне – а может быть, здесь правильно сказать «культурном» – и есть признак цивилизованности.

И это более плодотворный путь, чем воспевать собственную самобытность.

То есть многие авторы постоянно подчеркивали важность разных акцентов в разговоре о локальных цивилизациях и о метацивилизационном уровне.

Конечно, это звучит несколько иронично и даже, может быть, жестко.

Но тем не менее это важный момент интеллектуального отклика своего времени в России, когда и у нас ярко проявилась тенденция самокритики (в 1990-е годы особенно).

В этом ключе кратко скажу о набирающей сегодня популярность и размах идее самобытности России, идее особого пути России.

Есть, конечно, очень серьезные работы, которые рассматривают это на хорошем уровне, в очень интересном ракурсе; есть и некоторая популяризация этой тематики.

Это отдельная большая тема, которая имеет свои основания, связанные с историческим прошлым России, ее географическим положением и так далее.

В отношении этого вопроса мне хотелось бы привести одно интересное наблюдение.

Я думаю, что некоторые из присутствующих знают о всероссийском мониторинге по проблеме социокультурной эволюции России, который много лет организовывал Николай Иванович Лапин.

Сейчас эту работу продолжает Людмила Александровна Беляева из нашего института.

В прошлом году прошла еще одна волна этого исследования, которая включала и вопросы цивилизационного плана.

В том числе был задан вопрос о дальнейшем пути развития России, как его видят респонденты, с чем они его соотносят.

Были предложены варианты ответов.

Среди них фигурировал ответ «самобытный российский путь развития», за него высказалось около 60% опрошенных.

Но сопоставление с другими вопросами и ответами показывает интересную и неоднозначную картину.

Оказывается, что подавляющее большинство, а это уже 87%, являются сторонниками демократических форм правления, высказывают пожелания по поводу выполнения государством социальных обязательств перед гражданами, соблюдения прав и свобод, доверия властным институтам.

То есть, в сущности, люди говорят о ценностях, которые свойственны развитым цивилизациям и достигнуты развитыми странами.

И вот здесь интересный момент.

Получается, что если говорить о самобытности, то для жителей России признание особого пути развития отнюдь не означает обращения к каким-то архаичным или традиционным формам жизни, или авторитарным формам правления.

Здесь складывается модель, которая вбирает лучший опыт развитых стран.

И если вернуться к вопросу о самобытности (эту мысль уже высказал, может быть, в другом ключе, Андрей Вадимович), то мы говорим больше о культуре, а не о цивилизации.

Мне кажется, что в этом вопросе на первом месте проекция культуры.

А цивилизация все-таки предполагает становление некоторых универсальных ценностей в мировом масштабе.

Но не в аспекте навязывания, а как выход к тому самому эмерджентному состоянию цивилизации.

К некоторому системному качеству, которое выходит за пределы конкретных условий и практик, но выполняет ценностно-ориентирующую, нормативную функцию.

И в каком-то смысле, если говорить на языке философских размышлений, способствует приближению к предельным задачам и смыслам.

Далее мне хотелось бы кратко сказать о культуре и цивилизации.

Это, конечно, еще одна значимая категориальная пара.

Интересно здесь отметить две метафоры, которые в свое время высказал Библер: «многогранник культуры» и «цивилизационная мембрана».

Мне кажется, эти понятия проясняют взаимосопреженность разговора о мировой цивилизации и о локальных цивилизациях.

Библер образно отмечал, что, чем «многограннее многогранник культуры», тем больше возможностей общения между культурами и, соответственно, определенными цивилизациями.

Чтобы человек одной культуры понимал человека другой культуры, чтобы это был действительно диалог, необходима цивилизационная мембрана, то есть наличие общепринятых норм и правил общения и поведения.

То есть одно дополняет или уравнивает другое.

Как мне кажется, эти образы и понятия и сегодня по-своему актуальны и продуктивны.

Теперь, если перейти от разговора о трагедии культуры в первой половине XX века, то, как мы все понимаем, середина XX века, вторая половина XX века и современность поставили иные проблемы.

Проблемы, связанные с экономической, экологической ситуацией, угрозой тоталитаризма, ядерной войны.

И это вывело на новый уровень осмысления человеческой ситуации, связанной с реальностью глобального кризиса.

От размышлений метафилософского или локального характера многие дискуссии перешли на планетарный уровень.

В центре внимания оказался мир как целое, который стал проблемой, как это подчеркивал Ясперс.

Получили актуальность вопросы, связанные с общей динамикой мирового исторического процесса, или, как сейчас говорят, глобальной пересборкой или глобальной архитектурой.

Наряду с этим произошел ярко выраженный переход от метавопросов к междисциплинарным исследованиям конкретных оснований и аспектов темы цивилизации.

Ясперс, о котором я уже говорила, как известно, выдвинул концепцию осевого времени.

С помощью понятия «второе осевое время» он пытался осмыслить современность, говоря именно о XX веке, особенно о роли науки.

Развитие науки и технологии сделало второе осевое время возможным, являясь его локомотивом.

Соответственно, вести разговор о специфике современной цивилизации продуктивно, имея в виду вот этот концептуальный горизонт.

На основании концепции осевого времени Ясперса можно сделать вывод, что отличием первого осевого времени является становление культурной самобытности, локального культурного самосознания.

Но второе осевое время тяготеет к формированию мировой цивилизации, собирающей локальные культурные достижения.

Важнейшим фактором этого формирования является процесс в области науки и техники, который меняет жизненный мир и определяет магистральные пути цивилизационного развития.

Наша тема «Российский проект цивилизационного развития» развивалась в похожем ключе: от метавопросов, от предельного дискурса о категориях – к рассмотрению конкретных проблем исторического прошлого России и конкретных процессов, относящихся к современности.

Это большой вопрос.

Приведу пример, чтобы показать результаты в нашей области, которые вошли во вторую и третью книги – это уже более конкретно ориентированные книги.

Например, идея Россия как Севера, идея северянства, которая является частью размышлений о разных культурных влияниях на Россию.

И сами эти обращения к влиянию – где-то Европы, где-то Азии, Востока, в данном случае Севера – приводят к мысли о полифоническом единстве на территории России самых разных традиций и образов жизни. Вероятно, есть основания трактовать эти влияния в гармоничном ключе.

Сделаю краткие выводы.

Своим сообщением мне хотелось подчеркнуть, что осмысление цивилизации включает две проекции – метацивилизационную и конкретно-цивилизационную.

Метацивилизационный уровень есть поиск оснований цивилизации или цивилизованности, который свойствен разным большим сообществам и организации их жизни.

Также концептуальную ценность здесь имеет категория, которая была введена Бахтиным в его поздних работах, но не вполне им раскрыта, – «большое время».

«Большое время» и «далекий контекст» у позднего Бахтина – это концепты, позволяющие подчеркнуть долгосрочный характер культуры, понимать отдельные события как часть непрерывного культурного диалога или большого диалога, длящегося сквозь время и пространство.

Цивилизация в большом времени – это большой человеческий поиск гармоничного способа существования, даже если это звучит только в проективном и нормативном ключе, как идеальный проект.

А философия в свою очередь вырабатывает мета-язык для разговора о цивилизации в такой перспективе – перспективе большого времени.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Надежда Александровна.

Очень интересно.

Действительно глубокие темы подняты.

Павел Алексеевич первым поднял руку, потом Куликов Николай Иванович из Тамбовского университета.

Сначала вопросы, потом обсуждение.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.

Медведев П.А.: Надежда Александровна, Вы, безусловно, подняли способность к сочувствию в моей душе на еще более высокий уровень.

Вы говорили о самобытности.

Могу ли я попросить у Вас дополнительных разъяснений?

Не кажется ли Вам такая склонность русского народа определять для себя какие-то особые качества, например, самобытность, проявлением детскости?

Я коллегам уже рассказывал, теперь Вам расскажу.

Я научился читать в 1946 году.

А так как читать было нечего, детских книжек не было (известное дело, только что война закончилась), я читал газету «Правда».

И очень гордился тем, что наша советская цивилизация превосходит загнивающую американскую.

Американская цивилизация должна была погибнуть к выходу следующего номера (газета, кто не знает, была ежедневная).

Не является ли желание найти у себя что-то такое особое трогательным проявлением детскости русского, русского народа?

Касавина Н.А.: Спасибо.

Я как раз хотела подчеркнуть – не знаю, насколько это было понятно, – что говорить о самобытности и особом пути надо очень осторожно.

И я привела некоторые критические аргументы этой позиции.

Все зависит от поставленных акцентов.

Может быть, если Вы говорите о советском времени, то как раз акцент тогда был именно на активном упрочении места Советского Союза в мире, его достижениях мирового масштаба.

И тема самобытности здесь не прочитывается.

В свое время – где-то на закате советского периода, при переходе к постсоветскому обществу – возникли и проявили себя иные дискурсы, и в этом была потребность.

Появляется (или возвращается) тема самобытности и особого пути, которая выполняет свои функции поиска различных оснований идентичности.

В плане детскости – вероятно, так действительно можно трактовать эту проблематику.

Но в том числе есть, например, довольно интересные философские концепции, которые рассматривают константы нашей культуры как некое основание для понимания ее специфики.

И они заслуживают внимания.

Конечно, это отдельный разговор.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сейчас Алексей Саватюгин.

САВАТЮГИН А.Л. – акад. СМИРНОВ А.В.

САВАТЮГИН А.Л.

аудитор Счетной палаты РФ, профессор Банковского
института НИУ «Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Спасибо обоим докладчикам.

Мне, честно говоря, доклад Надежды Александровны понравился чуть больше, но вопрос, если позволите, скорее Андрею Вадимовичу.

У меня короткий вопрос, буквально «да» или «нет».

Андрей Вадимович, у Вас высокие академические регалии и Вы в начале своего выступления сослались на то, что ряд Ваших работ – вышедших и тех, которые еще выйдут, – сделаны в рамках государственного заказа.

Скажите, следует ли из этого, что то, что Вы нам рассказали, – это краткое, концептуальное изложение будущей официальной доктрины социально-политической философии, которой будут учить в школе и в вузах?

Смирнов А.В.: Вы хотите краткий ответ?

Краткий ответ – нет.

Все-таки я должен сказать, что я не стремился понравиться, я стремился высказать истину.

А второй доклад понравился Вам больше потому, что он больше отвечал Вашим герменевтическим ожиданиям: что Вы ожидали, то и услышали.

Это была не позиция Надежды Александровны, а она излагала позицию: речь шла о взглядах авторов книг, которые мы подготовили.

Понимаете, метацивилизационный уровень – это фикция.

Почему фикция?

Очень просто.

Для того чтобы это проверить, нужно выйти за пределы своей большой культуры и посмотреть.

Вот то, что говорится о якобы единой общечеловеческой цивилизации, это все применимо, когда вы исследуете другую большую культуру или нет?

Это можно использовать или нет?

Понимаете, ни один человек в здравом уме (а я надеюсь, я еще не сошел с ума), не изобретает теорию вроде той, которую я пытался рассказать, просто так, просто потому, что ему хочется изобрести.

Никто этого не делает.

Это делают только потому, что иначе не получается.

Не получается этот универалистский подход применить.

Вот не выходит, понимаете?

И те теоретические инструменты, которые мы имеем в своей большой культуре, они ломаются, когда вы приходите в другую культуру.

Начать хотя бы с того, что в арабском языке нет ни категории бытия, ни связки «есть», и, соответственно, их нет в том мышлении.

Почему нет?

А есть что-то другое.

Что там есть?

Попробуйте ответить на этот вопрос.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Алексей у нас всегда с чувством юмора.

Но это максимально доброжелательно заданный вопрос.

Профессор Куликов, потом академик Угрюмов.

Пожалуйста, Николай Иванович.

КУЛИКОВ Н.И.

д. э. н., профессор кафедры экономики Тамбовского
государственного технического университета

Добрый день!

Спасибо докладчикам.

На мой вопрос кто из них захочет, тот пусть и отвечает.

Как я понимаю, цивилизация – это все-таки не какая-то закрытая догма.

Особенно часто историки употребляют это понятие: древняя, средневековая, современная цивилизация.

Причем одна цивилизация может очень сильно влиять на цивилизацию другого общества и изменять ее.

Например, европейцы приехали в Америку и уничтожили индейскую цивилизацию.

Далее, если говорить о цивилизации и культуре.

Я считаю (впрочем, я не специалист), что культура – это все-таки один из элементов цивилизации.

А цивилизацию я понимал бы как отражение уровня развития общества.

Оно меняется.

Вот приехали мусульмане как мигранты в Европу – и там уже сегодня Рождество не празднуют и так далее.

Появляется другое общество, и цивилизация внутри общества сложилась и начинает его менять.

Если это не так, то, пожалуйста, опровергните.

Тосунян Г.А.: Это такой глобальный вопрос.

Андрей Вадимович, если хотите, ответьте Николаю Ивановичу, либо мы в рамках дискуссии это обсудим.

Это фактически не вопрос.

Это суждение, которое, чтобы опровергнуть, мне кажется, придется содержание доклада повторить.

Пожалуйста, Михаил Вениаминович.

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Угрюмов М.В.: Спасибо большое.

Я понял предмет нашего обсуждения, прослушав в основном второй доклад.

Надежда Александровна, у меня к Вам вопрос.

Вы ссылались на многих известных людей, которые давали те или иные определения цивилизации с учетом исторического развития и так далее.

Теперь дошло дело до Вас, как ученого.

Вы можете сейчас в пределах одного абзаца определить, что такое цивилизация и какие особенности цивилизации есть в XX–XXI веках?

Касавина Н.А.: Спасибо за вопрос.

Но я не хотела бы, чтобы создавалось впечатление, что я говорила только о позициях других авторов и не говорила о своей.

Дело в том, что именно эти позиции я выделила не случайно, они для меня чрезвычайно важны.

В том числе о XX веке я тоже частично сказала.

Позволю себе вернуться к некоторым контрапунктам, обозначенным в моем докладе.

Мне хотелось бы понимать цивилизацию как способ жизнеустройства больших сообществ людей, который основан на поиске гармоничного существования разных народов.

Существования, которое ориентировано на принципы свободы, ценности жизни, ненасилия, достоинства человека.

Для меня важен проективный статус этого вопроса.

Проективный, поскольку мы можем не найти этих принципов в желаемом выражении в конкретных цивилизациях, но они выступают ориентиром для их развития.

И мне не хотелось бы метацивилизационный уровень понимать только как фикцию.

Мне кажется, что разговор о локальных культурах выполняет в большей степени дескриптивные функции, описательные.

Или функции некоторого «распутывания» исходных оснований цивилизаций.

Но метацивилизационный ракурс важен для поиска будущей модели.

Примерно в этих словах мне хотелось бы сказать о своем подходе.

КУЛИКОВ Н.И.

д. э. н.

Извините, буквально один короткий вопрос еще.

Под впечатлением от того, что мы все время смотрим по телевизору (кто еще смотрит), читаем и так далее, все время крутится вопрос.

Вопрос фактически о двух философских направлениях, которые возникли не с санкциями, а гораздо раньше.

Это западничество и славянофильство.

Я так понимаю, что в качестве первого западника выступил Петр I.

И с тех пор эта дискуссия идет.

Мне очень хотелось бы, чтобы мы не ходили вокруг да рядом и не говорили, что с санкций все началось.

Чтобы все-таки кто-то – Вы или последующие докладчики – на этом вопросе остановился.

Это очень серьезный вопрос, исторический, с глубокими корнями.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Геннадий Петрович.

Короткий вопрос и короткий ответ.

к. г. н. АКСЕНОВ Г.П. – чл.-корр. КАСАВИНА Н.А.

АКСЕНОВ Г.П.

к. г. н., ведущий научный сотрудник отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Аксенов Г.П.: Я продолжу прозвучавший вопрос к Надежде Александровне.

Из Вашего обзора я тоже не уяснил: придерживаетесь ли Вы точки зрения, что цивилизация одна и что она имеет исторические корни?

Не потому, что она так вытекает из нашего научного мышления, а потому что мы с детства воспитаны в рамках этой одной, исторически возникшей цивилизации.

Поддерживаете ли Вы точку зрения Мотрошиловой?

Касавина Н.А.: Да, мне как раз ближе этот дискурс о цивилизации в единственном числе.

Но я считаю, что он базируется во многом на исследованиях цивилизаций во множественном числе.

Это неустранимо, это взаимосопрягающиеся, очень важные горизонты философского исследования.

Но выходить на уровень мировой цивилизации, на уровень системного качества, как мне кажется, очень важно для решения многих практических задач, которые стоят на глобальном уровне.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, следующий вопрос.

ГНУСАРЕВ С.А. – акад. СМИРНОВ А.В.

ГНУСАРЕВ С.А.
молодой специалист

Гнусарев С.А.: Андрей Вадимович, Надежда Александровна, спасибо вам большое за доклады.

У меня возник вопрос о большой культуре.

Вы упоминали, что более правильно является эволюционный путь развития, нежели революционный.

Точнее, наверное, он нам ближе будет.

И у меня возник такой двойной вопрос.

Является ли развитие рационального и чувственного познания внутри реализации большой культуры как цивилизации единственной правильной возможностью понимания этой цивилизации с философской точки зрения?

И если это единственный правильный способ понимания, то психологически не будет ли маргинализация единственной естественной реакцией на это?

Смирнов А.В.: Спасибо.

Может быть, я не до конца точно понимаю все нюансы вопроса.

Вы тогда потом уточните, ладно?

То есть речь идет о том, как мы можем понять другую большую культуру?

По-моему, вопрос об этом?

Гнусарев С.А.: Да. Возможно ли это?

Например, не родившись в этой культуре, возможно ли это?

Смирнов А.В.: Это вопрос очень хороший.

Понимаете, востоковедение не вчера родилось, и оно имеет ответ на этот вопрос, как это можно делать.

Самый главный и самый простой путь (простой не в смысле, что он легкий, а в смысле, что он эффективный), конечно, через язык.

Без языка вы вообще ничего не поймете.

До тех пор, пока вы не говорите по-арабски, причем хорошо говорите, вы не поймете, что такое арабская культура.

Даже пытаться не надо.

Пока вы не говорите по-китайски, вы тоже не поймете.

Все это будет на уровне каких-то ошибочных пере-сказов.

Почему язык нужен?

Ведь мы же говорим о сознании.

Потому что человеческое сознание, в отличие от сознания животных, – это способность к связности.

Когда вы можете множественное склеить как единое, при этом оставляя его множественным.

Это звучит как будто бы сложно.

Но на самом деле в любом предложении, где есть подлежащее и сказуемое, это происходит.

Если вы говорите «маслина черная», у вас есть «маслина» и «черная».

Но высказывание «маслина черная» – это высказывание о чем-то одном, а не о двух.

Это не отдельно «маслина» и отдельно «черная», а это одно – мы их склеили, понимаете?

Истинность или ложность приписываются высказыванию как единице, а не как двоице.

Если мы говорим по-русски, там еще имеется связка «есть», которая опущена, но может быть восстановлена.

Связка «есть» их связывает за счет пространственной интуиции, попадания области субъекта в область предиката, как в кругах Эйлера.

И тогда это сразу же имплицитно: маслина есть либо черная, либо не черная.

И так далее.

Это просто отсюда вытекает, это связность.

В философии очень часто употребляется слово «вещь», как если бы оно было тривиальным.

Как если бы видеть вещи было тривиальной способностью.

А ведь это не так.

Вообще говоря, окружающий нас мир – это не мир вещей.

Это мир некой физической реальности, которая посылает нам сигналы.

Но наше сознание видит не сигналы, не сумму сигналов – мы видим вещи.

Мы умеем полагать связность того, что приходит к нам в виде сигналов.

Так что вот эта связность может осуществляться человеческим сознанием по-разному.

Это ключевой момент.

В европейских языках и в семитских языках связность осуществляется по-разному.

И поэтому владение языком означает не просто умение говорить на нем, но способность войти внутрь него, сделать его своим.

Тогда вы понимаете, как работает другое сознание.

Это небольшой ключ к тому, чтобы понять, как это устроено.

Тогда вы можете постепенно, методом проб и ошибок распространять вот это понимание на все большие и большие слои культуры.

А другой путь – это, знаете, как с трактором приехать в тайгу и сказать: «А что тайга? Ну, и что? У меня трактор. Сейчас возьму и вспашу ее».

Это два разных подхода.

У меня есть уже теория в моей голове, у меня есть априорный чертеж.

Я знаю, что такое философия, я знаю, что такое теология, я знаю, что такое мистицизм, я знаю, что такое религия, мировоззрение.

Я сейчас приду в китайскую культуру и все это либо найду, либо не найду и скажу, что они до этого не доросли.

Это и есть цивилизационный метод, что все одинаково у всех устроено, просто отличается по содержанию.

Это два разных пути.

А теперь о маргинализации.

В том смысле, что вы видите, что это не ваше.

Оно устроено по-другому, оно работает по-другому.

А дальше уже – принимать или не принимать.

Мне кажется, что, если это устроено по-другому, это тем более интересно.

Если вы понимаете, как оно работает.

Потому что всегда интересно разгадывать загадки.

Это, как если бы мы сказали, что мы, люди, по суше ходим, а рыбы плавают в воде и мы их маргинализируем.

В каком-то смысле да.

Мы не можем плавать, как рыбы или как дельфины, но это же интересно, мы стремимся туда, изобретаем акваланг, подводные аппараты и так далее.

Поэтому по-настоящему пройти туда – это очень захватывающее мероприятие.

Если я правильно понял Ваш вопрос.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Если на вопросы из чата готовы сейчас ответить, то ответьте.

СМИРНОВ А.В.

акад. РАН

Смирнов А.В.: Действительно, в чате интересные вопросы.

Вопрос профессора **Астамура Анатольевича Тедеева:** «Дифференциация цивилизации при таком подходе привязана в итоге к религиозной парадигме?»

Нет, не привязана.

Там есть, конечно, корреляция, потому что религия – это тоже проявление сознания.

Но ведь не напрямую.

Посмотрите, есть три авраамические религии.

Они все построены на одной и той же логике действия.

Но христианство, попадая в Европу, субстанционализируется.

Не случайно говорят о платонизации христианства.

Что такое христологические споры?

Они непредставимы в среде иудаизма или ислама.

Потому что о субстанции там не спорят, а говорят исключительно о действии.

Христологические споры о субстанции – это исключительно споры в рамках европейского мировоззрения, европейской логики.

Поэтому религия – да, конечно, коррелирует, но именно потому, что ведущим является сознание.

Вопрос **Аллы Алексеевны Шептун:** «Какое место в факторах развития цивилизации занимают материальная культура и экономика?»

Какие в экономической жизни есть различия смыслополагания у разных народов и особенности рациональности, если все люди стремятся сознательно и инстинктивно прежде всего к удовлетворению материальных потребностей?»

Стремятся, но по-разному.

Вы знаете, это хороший вопрос.

Если мы имеем дело с сугубо индивидуалистическим мировоззрением, таким как европейское, тогда к чему вы будете стремиться?

Да, вы будете стремиться к максимальному удовлетворению своих потребностей.

Всегда за счет других, но постольку, поскольку другие вам это позволяют.

Поэтому будет общественный договор.

Общественный договор будет между такими субстанциональными единицами.

Будет разделение прав и обязанностей, разделение сферы ответственности и так далее.

Но в основе этого все равно будет лежать определенная логика.

Был такой мыслитель Ибн Халдун, о котором вы, конечно, знаете.

Он умер в 1406 г.

Интересно, кстати, что он создал теорию стоимости до Адама Смита.

Все категории там есть: категория трудовой стоимости, основного продукта, прибавочного продукта, различие цены и стоимости, монополия и все прочее.

Возникновение политэкономии, оказывается, вообще не привязано к капитализму.

Она может возникнуть и в некапиталистическом обществе.

Основная идея Ибн Халдуна заключается в том, что любой народ проходит две стадии жизни.

Стадия кочевая, то есть внегородской жизни, и стадия городской жизни.

Городская жизнь, конечно, более развитая и утонченная, но она ведет к деградации человека.

То есть настоящей является внегородская жизнь, когда людей отличает высокая мораль, они могут постоять за себя, не перепоручают государству заботу о себе.

И его симпатии на этой внегородской стороне.

Я об этом вспомнил к тому, что у Ибн Халдуна (а он все-таки заметный автор) рост экономического благосостояния, который он фиксирует в городах своего времени, оценивается отрицательно.

Рост благосостояния, стадия городской жизни, когда производится не только необходимый, но и прибавочный продукт, возникновение различных наук и ремесел, расцвет искусства, – все это великолепие означает упадок человека, его необратимую деградацию.

Тосунян Г.А.: Поэтому Вы переехали за город жить? Стараетесь приблизиться?

Смирнов А.В.: В каком-то смысле – да.

Мне одна коллега сказала однажды то, что меня поразило.

Когда я ей сказал, что уезжаю в деревню на лето, она говорит: «Да, ты как настоящий славянин».

А я себя не рассматривал никогда как славянина именно.

Дело в том, что у нее муж – болгарин, тоже славянин, поэтому она со знанием дела сказала: «Ты, как настоящий славянин, должен жить сельской жизнью».

Вопрос профессора **Михаила Стефановича Мокия** из РАНХиГС: «Все-таки что такое цивилизация?»

Какие существенные признаки есть у такого явления, как цивилизация?

Например, стул – это предмет мебели, вода – это жидкость.

А цивилизация – это что?»

Смирнов А.В.: То есть Вы хотите, чтобы я дал родовидовое определение?

Родовидовое определение напрямую привязано к той рациональности, которая обосновывает, фундирует европейскую культуру.

Цивилизацию мы так не определим, мы не найдем род для цивилизации.

Это ведь касается не только цивилизации.

Вы не дадите определения для многих самых существенных вещей.

Скажите, что такое жизнь?

С жизнью мы имеем дело все время.

Дайте родовидовое определение числа.

И так далее.

акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. СМИРНОВ А.В.

Угрюмов М.В.: Мне трудно представить, что специалист в определенной области знаний не может дать в одном абзаце содержательного определения какого-то термина.

Смирнов А.В.: Что такое число – есть определение?

Угрюмов М.В.: Думаю, что если бы я в своей области не смог дать определения общепринятого термина, то положил бы на стол свое академическое удостоверение.

Смирнов А.В.: Очень хорошо.

Тогда должны положить академические удостоверения и Платон, и Аристотель, и Хайдеггер, и Деррида, и так далее.

Потому что никто не даст короткого определения, которое Вы хотите, – что такое бытие.

Бытие – это что такое?

Вы знаете, что такое отрицание?

Вы знаете, что такое небытие?

Вы знаете, что такое знание и познание?

Угрюмов М.В.: Вы знаете, когда я Вас послушал, я почувствовал себя настолько зомбированным, что у меня уже ощущение, что я то ли в церкви побывал, то ли где-то еще в подобном месте.

Извините, но я вообще не понимаю, что мы сейчас обсуждаем.

Смирнов А.В.: Вы знаете, это очень хорошо, что Вы ничего не понимаете.

Если бы Вы читали Платона, то увидели бы, что это и есть путь к истинному знанию.

Вообще-то греческая философия началась с Сократа, который сказал: «Я знаю, что я ничего не знаю».

То есть он сказал, что наше наивное представление о том, что мы получаем знания напрямую, неоправданно.

Отсюда началась теория познания, отсюда началась философия.

Так что Вы на верном пути.

Еще несколько шагов – и Вы дойдете до Платона.

Тосунян Г.А.: Да, поэтому Аристотеля и Платона не избрали в академию.

Андрей Вадимович, на все вопросы сейчас не успеете ответить, давайте потом.

Угрюмов М.В.: Дело в том, что Аристотеля и Платона, может быть, и не избрали в академию.

Но следует помнить, что, когда Петр I создал Российскую академию, в ней не было ни одного российского ученого.

Тосунян Г.А.: Хорошо, Михаил Вениаминович.

Давайте мы следующих докладчиков послушаем.

Потом уже в общей дискуссии по всем трем докладам обсудим.

Потому что каждому есть что сказать.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр. РАН

Коллеги, я хотела бы пояснить в завершение, что мне бы не хотелось, чтобы наши с Андреем Вадимовичем выступления выглядели как противостояние.

Мне кажется, они примерно так были восприняты.

Я знакома с подходом Андрея Вадимовича, и мне хотелось показать значение именно метацивилизационной составляющей наших исследований.

Поясню, что тот подход, который разрабатывает Андрей Вадимович, имеет особую степень фундированности, обоснования.

Это глубокое знание арабо-мусульманской культуры, языка.

Вообще говоря, таких специалистов очень мало.

Это особый ракурс философского исследования, глубокий сравнительный анализ.

Есть ученые, которые работают в этом контексте, исследуя со знанием языка индийскую культуру, китайскую культуру.

Это подходы, которые, как мне кажется, вносят очень серьезный вклад в эту тематику.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо.

Надежда Александровна, Вы совершенно напрасно беспокоитесь.

Потому что это, наоборот, подчеркивает высочайший уровень культуры в вашем коллективе.

Вы работаете в рамках одного проекта, и у вас есть разные точки зрения.

Даже с учетом того, что Андрей Вадимович возглавлял долгие годы институт и сейчас является руководителем нашей секции в Отделении общественных наук РАН.

И в этом смысле то, что есть спектр мнений, спектр позиций, который проявляется и реализуется в проекте, это ваше величайшее достоинство.

Я бы очень хотел, чтобы в других сферах такая же культура реализовывалась.

Не должно быть категоричных подходов: только приверженность единой вертикали, и ничего больше.

Вообще, в рамках нашего Научно-консультативного совета один из важнейших факторов – это горизонталь.

Горизонталь отношений среди присутствующих, среди участников наших обсуждений, независимо от статуса.

Главное, чтобы было содержание, мысль, вот это главный критерий.

А мысли могут отличаться.

Это наша ценность, чтобы никто не претендовал на доминирование.

Коллеги, давайте предоставим слово Владимиру Вячеславовичу Козловскому, руководителю Социологического института РАН.

Тема его выступления – «Полиmodelный комплекс цивилизационного развития России».

ДОКЛАД 3

КОЗЛОВСКИЙ В.В.

д. филос. н., директор Социологического института
ФНИСЦ РАН

ПОЛИМОДЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Дорогие коллеги, большое спасибо.

Я вообще очарован атмосферой дискуссии и целиком и полностью поддерживаю пафос, который был в этой дискуссии.

Задан он прежде всего Вами, Гарегин Ашотович.

В начале Вашего вводного слова было сказано о том, что да, действительно, цивилизация – это сложный феномен, и нет простых ответов на связанные с ним вопросы.

Это же мы услышали в докладах Андрея Вадимовича и Надежды Александровны.

Ответы могут быть разные, спорные, научно обоснованные, идеологические и так далее.

Уже то, что мы обсуждаем проблему цивилизации, цивилизационного развития России, мне представляется важным и нужным делом.

Кроме того, я хотел подчеркнуть, что приглашен на ваше заседание по инициативе Михаила Федоровича Черныша, директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Я выражаю ему благодарность за эту возможность высказать наши соображения.

Мой коллега Руслан Геннадьевич Браславский позже выскажет свою позицию по заявленной теме.

Я хотел бы начать с преамбулы, с утверждения, что я рассуждаю в рамках социологического подхода, а не метацивилизационного или философского.

Постараюсь дать социологическую картину или социологический портрет цивилизационного подхода к России.

Как мне кажется, это представляет сегодня наибольшую важность в условиях весьма запутанной проблемы в понимании цивилизационного развития нашей страны.

В 2024 году отмечается 300-летие Российской Академии наук, учрежденной Петром I.

Согласен с коллегой, который настаивал на значимости проблемы западничества и славянофильства в интеллектуальной ситуации и общественном знании в современной России.

Да, действительно, реформы Петра I и его революционные преобразования страны, по сути, являются неким этапом, рубежом в переходе к новому цивилизационному развитию.

Я позже еще остановлюсь на этом.

Это не исключает того факта, что цивилизационное развитие в России было и до Петра I.

Именно он поменял модель цивилизационного развития России.

Следует прежде всего уточнить предмет нашего обсуждения.

Говорим ли мы о единой цивилизации или о множестве цивилизаций, о типе цивилизации или о цивилизационном процессе?

Казалось бы, это вопрос несколько вторичный.

Между тем, есть общий мировой цивилизационный процесс.

Страны, континенты, общества переживают и выстраивают модели своего существования в рамках этого цивилизационного процесса со своей культурой.

Уточню, чем интересен нам цивилизационный подход в изучении современных обществ, включая российское.

Этот подход пришел, по выражению Жана Терентьевича Тощенко, на смену формационному подходу.

И он не отменяет предыдущих достижений социальной и гуманитарной мысли в прояснении сложной проблемы исторического развития общества.

Прежде всего я хотел сказать, что Институт социологии РАН, который я представляю, ведет такой проект по госзаданию, направленный на изучение динамики цивилизационного развития России.

Соответственно, есть определенные научные результаты.

Например, два года назад мы опубликовали книгу «Российское общество: архитектоника цивилизационного развития», которая вошла в список литературы по обязательному учебному курсу в современной высшей школе «Основы российской государственности» (как вы знаете, такой курс читается студентам уже два года).

Цивилизационная тематика действительно стала актуальной на разных уровнях в политике, медиа, законодательстве, в научных исследованиях, в том числе и в образовательной сфере.

Хочу только подчеркнуть следующее.

Фокус наших исследований заключается в том, чтобы изучить не просто так называемую национальную самобытность – русскую самобытность или цивилизационную самобытность России.

А именно специфику российского типа, особенности российских моделей цивилизационного развития.

Сегодня, например, активно обсуждается, продвигается и даже пропагандируется модель России как государства-цивилизации.

Понятно, что здесь возникает некая частная вроде бы, но немаловажная проблема: в чем заключается цивилизационная идентичность российского общества?

Это важный момент, который, мне кажется, для всех нас очевиден.

Предлагаемый мною подход ориентирован именно на изучение сложной конфигурации и векторов цивилизационного развития российского общества.

Представленная на Рисунке 1 аналитическая схема цивилизационной идентичности дает представление о компонентах цивилизационного самоопределения российского общества.

По-моему, в выступлении Надежды Александровны Касавиной было справедливо подчеркнuto, что важная задача состоит в выявлении целостности общественного и культурного развития или существования.

И главное, подчеркну (то, что было в начале нашего обсуждения сказано Гарегином Ашотовичем), – это динамика социального неравенства в контексте цивилизационного развития.

С моей точки зрения, социально-структурный аспект наряду с культурой является одним из ключевых в понимании цивилизационной модели существования.

Конфигурации цивилизационной идентичности российского общества

Рис. 1

Культура в цивилизационном процессе, безусловно, играет первостепенную роль в национальных культурах и встроена в объемном и сложном виде в социокультурный процесс в нашей стране, а также в других странах мира.

Множественность культур порождает проблему наличия и признания некой единой мировой культуры.

Наш подход состоит в утверждении, что, конечно, существует многообразие и своеобразие культуры, которая составляет специфическую мозаику цивилизационного развития государства и общества.

Цивилизационный подход может быть направлен, по крайней мере в социологическом измерении, на целостное понимание динамичного единства социальной структуры, культуры, институтов и общественных акторов.

Поэтому значимым аспектом является изучение социальных институтов разного рода и активность, субъектность, активность местных сообществ и населения.

Сложно дать точную дефиницию цивилизации.

Я предлагаю следующее рабочее определение: «Цивилизация – это некий целостный комплекс различных культурных, духовных, религиозных, хозяйственных, властных форм деятельности людей, обеспечивающий устойчивый уклад жизни, идентичность и социальный порядок».

Другими словами, цивилизация – это жизнеустройство обществ или сообществ на территории определенной страны или государства.

Это сложные, институционально регулируемые механизмы и культуры совокупных социальных неравенств любого общества, в том числе российского.

Определение цивилизации отчасти опирается на подход Норберта Элиаса и направлено на «прояснение природы той обладающей *принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности*».

Это мне кажется важным.

О чем говорит определение Элиаса, которое здесь предложено?

О том, что цивилизация является принудительной силой, заставляющей людей, разные группы жить по тем предписаниям, повелениям, которые заданы культурой и социумом.

Таким образом, проявляется двойственная природа понятия цивилизации и феномена цивилизации.

Это, с одной стороны, социоструктурное конституирование культуры, а с другой стороны – культурное многообразие, культурное конституирование и утверждение дифференцированного социального мира.

Так или иначе, это пересекающиеся сегменты социокультурной реальности.

Цивилизационный анализ сводится в нашем случае к тому, что на метауровне он направлен именно на выявление особенностей развития цивилизационного комплекса страны, региона или цивилизационного потенциала страны, региона вплоть до каких-то микротерриторий или локальных территорий.

Для нашей страны это особенно важно, поскольку неравномерное социально-экономическое развитие страны тесно увязано с ее культурным многообразием.

Вывод состоит в том, что страна, безусловно, развивается и живет, но живет она не единым строем, а очень разнообразно – и культурно, и социально, институционально, и экономически.

В нашем подходе выделяются типы и модели цивилизации.

Их предлагается выделять не на основе этнических, религиозных или иных культурных признаков, так как они по отдельности уводят в сторону от понимания существа цивилизационного развития.

Наиболее важным является процесс фигурации, если пользоваться социологическими понятиями.

Это взаимодействие разных элементов в процессе цивилизационного транзита, взаимодействие разных моделей цивилизационного устройства.

Оценивая историю России, следует иметь в виду особенности складывания самостоятельных, автохтонных структур: социально-экономических, хозяйственных, культурных, политических и др.

Важно, каким образом в цивилизационный комплекс страны проникают новые элементы, что фактически происходило после распада Советского Союза – в период, когда мы проживаем мощный цивилизационный транзит.

Как он совершается сегодня – это наиболее сложная тема.

В 1990-е годы в центре внимания и во главе угла публичных дискуссий была проблематика модернизации.

Сегодня повестка дня несколько иная, а именно изучение цивилизационного развития российского общества.

Например, в Институте философии РАН разрабатывается «Российский проект цивилизационного развития» под руководством Андрея Вадимовича Смирнова.

Мне думается, что необходимо проводить гораздо более объемные, широкие исследования.

Не только философам, социологам, культурологам, но и экономистам, безусловно, и математикам.

Вообще говоря, это крайне широкая тема, потому что она затрагивает все клетки нашей общественно-политической и культурной жизни.

Главный вопрос – как возможно единство социальной и культурной реальности, представленной в многообразии, множественности и уникальности действующих субъектов, их ассоциаций, взаимодействий, потока событий, вещей?

Да, оно возможно в силу того, что существует, так или иначе, некая множественность, мозаичность

культурного и социального развития или порядков, но она складывается в итоге в некий единый организм.

Это метафора, безусловно.

Потому что множественность цивилизационного устройства социума крайне неординарна и подвижна.

Структурная модель анализа цивилизационного комплекса

Рис. 2

Исходный пункт нашего исследования заключается в том, что цивилизационное развитие или цивилизационный комплекс территории любого масштаба включает ряд компонентов.

В частности, это социальная структура, культура, субъектность (агентность или субъектная ранговая структура).

А также, безусловно, институты, в рамках которых действуют различные акторы в разных сферах: власть, хозяйство, природа, демография и так далее.

На Рисунке 2 схематически представлена структурная модель анализа цивилизационного комплекса.

Наша задача – предложить многомерное измерение цивилизационного развития, в котором мы выделяем разные модели.

Я использую метод срезов, о котором нет времени здесь подробно говорить.

Перейдем к самой трактовке комплекса цивилизационного развития как полимодельного.

Гипотетически может быть выделена суверенная модель цивилизационного развития российского общества, но не одна, а несколько вариаций.

Это, конечно, мое допущение, которое я анализирую со своим научным коллективом и продвигаю на уровень социологического изучения цивилизационного развития российских регионов и в целом российского общества.

Эта схема, которая мне представляется очень важной, представлена на Рисунке 3.

Она предварительная, потому что я уйду от многих других типологий и предлагаю типологию, отражающую несколько перспектив развития.

Во-первых, национально-ориентированная модель цивилизационного развития.

Если говорить про Россию начального постсоветского периода, 1990-е годы, то у нас очень активно продвигались разные модели.

В частности, национальные республики стремились к наибольшей самостоятельности.

Модели цивилизационного развития современных обществ

Модель	Социальная структура	Культура	Институты	Акторы
Национально-ориентированная	Внутринациональная социальная стратификация	Гомогенная этнокультурная идентичность, этнокультурные практики	Национальные институты	Социальное государство
Государство-цивилизация	Этатистки обусловленная социальная иерархия	Гомогенная этатистская идентификация, альтернативная современности	Этакратические	Национальное государство, органы власти
Конфессионально-ориентированная	Конфессионально обусловленные социальные неравенства	Религиозная идентификация, религиозные практики	Теократические	Духовенство
Глобалистская	Глобальные социальные неравенства, транснациональная социальная структура	Мультикультурализм, гетерогенная современности, текучая среда, глобализация культуры	Транснациональные, локализация глобальных институтов, трансформация локальности	Корпорации, транснациональные коалиции

Рис. 3

Собственно говоря, Советский Союз распался на национально-ориентированные модели государственности и цивилизационного развития.

Сегодня эта модель цивилизационного развития регионов в той или иной степени присутствует в публичной сфере и реальной практике.

Во-вторых, модель государства-цивилизации.

В настоящее время она находится на авансцене и провозглашена в документах, в частности, в соответствующем документе по внешней политике РФ.

Недавно вышел указ Президента России об историческом просвещении, в котором тоже сказано, что государство-цивилизация – это ключевой момент такого просвещения.

Об этом я чуть позже скажу.

В-третьих, помимо двух названных моделей есть приобретающая популярность конфессионально-ориентированная модель.

В том смысле, что ряд стран мира основывается на ней, продвигает и реализует ее.

Это мы можем сказать про Иран и ряд стран Ближнего Востока.

В нашей стране много таких текстов, в которых говорится о том, что Россия – это православная цивилизация.

В-четвертых, существует глобалистская модель цивилизационного развития.

Она связана с фактом встроенности России в глобальную мировую систему.

Глобалистская модель цивилизационного развития является одной из важных и значимых.

Помимо этого я включил еще пятую модель – космополитическую.

Она предлагает некое видение приоритетности мировой цивилизации и включенности зарубежных паттернов не только в свою национальную, местную модель.

Здесь речь идет о признании равноправности мировой и национальной культуры, что хорошо маркируется понятием «гражданин мира», о принадлежности к мировому обществу.

В этом отношении есть пересечение с глобалистской моделью.

Необходимо обратить особое внимание на феномен государства-цивилизации.

В указе Президента России сказано, что концепция внешней политики провозглашает особое положение России как самобытного государства-цивилизации и обширной евразийской и тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие цивилизационное общество.

Важное положение, и оно уже политическое.

Приведу цитату из трудов В.И. Спиридоновой, которая активно работает над этой темой совместно с целым рядом ученых: «Концепция государства-цивилизации возникла в условиях кризиса неолиберальной парадигмы, развития и доминирования универсальной формулы национального государства...»³

О чем идет речь?

Альтернативой модели государства-цивилизации является концепция «мир-цивилизация» – так называемая броделевская модель.

В истории нашей страны модель государства-цивилизации уже была отчасти реализована на практике.

³ Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // *Общественные науки и современность*. 2022. № 3. С. 116–127.

Первые большие реформы цивилизационного характера, связанные с включением новой социальной структуры (дворянства), новой культуры, новых институтов и нового отношения к религии, были во времена Ивана Грозного. Но это были частичные реформы.

Смутное время и царствование династии Романовых привели к тому, что были действительно проведены масштабные цивилизационные изменения.

Но самыми радикальными стали реформы, которые предложил Петр I.

Это были реформы, направленные прежде всего на перестройку социальной структуры, с введением Табели о рангах, благодаря которой сформировался слой служилого дворянства, новая иерархическая социальная структура.

За несколько веков до этого Иван Грозный создал опричнину, на которую он сначала опирался, а потом прикрыл.

Опричнина – это тоже самый верхний, элитный слой общества, который должен был удерживать, менять и развивать страну.

Во времена Петра I возникла совершенно другая система формирования дворянства.

Служилое дворянство выступило как социальная база абсолютной монархии, утвердившейся с 1721 года в Российской империи.

Служение стало основой новой социальной структуры.

При этом крепостное крестьянство, являвшееся базой российского общества, находилось в приниженном состоянии.

Во времена Екатерины II, в последней трети XVIII века, это социально приниженное состояние еще более усилилось.

По этой причине отмена крепостного права была важным фактором цивилизационных перемен в России.

Но мне думается, что она запоздала, поэтому вызвала мощные революции начала XX века, отголоски которых сотрясали Россию весь XX век.

До сих пор последствия этих революций присутствуют в современном российском обществе.

Логика цивилизационного развития в России привела к тому, что предлагаются разные модели, которые, так или иначе, присутствуют в современной истории России.

Они присутствовали и в предшествующей истории России.

Их выбор всегда остается за элитами, но в определенной степени и за населением.

С этой точки зрения, в рамках концепции цивилизационного комплекса, явственно прослеживается историческая роль уже реализованной в России модели государства-цивилизации.

Иными словами, это так называемая этакратическая модель, которая приводит к следующему.

Этакратия – это доминирование власти государства, которая определяет социальные порядки, распределение ресурсов, направление и пути развития страны и общества.

Между тем в истории нашей страны происходили бурные процессы, которые сотрясали власть, разрушался государственный строй, радикально менялось устройство государства и местной власти, что приводило к возникновению новой социальной структуры, новым культурным и политическим порядкам.

В частности, была ушедшая в прошлое модель советской цивилизации с ее социально однородным

устройством общества, социалистической идеологией, межнациональной культурой.

Ее сейчас уже нет, но она явно или неявно присутствует в современном российском обществе.

Таким образом, я хочу подчеркнуть, что эта много-модельность, или полимодельность, цивилизационного развития апробировалась в истории нашей страны.

Реализуется она и в настоящее время.

Для иллюстрации можно просто пролистать основные историко-географические вехи.

В период своего возникновения российское государство было очень маленьким, Московия вообще еле-еле видна на карте.

Далее – это уже растущее Московское княжество, выросшее до Московского, точнее Русского царства во времена Ивана Васильевича.

Дальнейшее геополитическое движение – российское государство стало мощной Российской империей.

Затем, в XX столетии, создан Советский Союз и прекращено его существование.

На смену ему пришла новая Россия, в которой концептуально оформляются, дискутируются и реализуются модели цивилизационного развития на территории нашей страны.

Сложный процесс выбора модели цивилизационного развития зависит от приоритетов и целей, формируемых всеми субъектами российского общества и государства, элитами, активными социальными группами, местными сообществами.

Приоритетом, по моему убеждению, является именно определение и претворение в жизнь суверенной

модели цивилизационного развития современного российского общества.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Владимир Вячеславович, и за интересный доклад, и за то, что Вы в 20 минут уложились. Спасибо.

Я думаю, Вы не будете возражать, если мы сейчас Руслана Геннадьевича тоже послушаем.

А потом уже перейдем к вопросам и к обсуждению ваших докладов, и предыдущих докладов тоже.

Не будете возражать?

Козловский В.В.: Ни в коем разе.

Мы – единая команда.

Тосунян Г.А.: Я попрошу Руслана Геннадьевича Браславского тоже выступить с докладом.

Потом перейдем к вопросам и к обсуждению.

ДОКЛАД 4

БРАСЛАВСКИЙ Р.Г.

к. социол. н., заместитель директора по научной работе
Социологического института ФНИСЦ РАН

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Мой доклад будет в большей мере теоретическим, концептуальным, чем непосредственно касающимся определения цивилизационных основ Российской Федерации, современного российского общества.

Андрей Вадимович задал очень высокую планку теоретизирования, концептуального анализа.

Я думаю, что с этих вопросов и нужно начинать.

Поскольку если мы будем говорить о том, что же непосредственно представляет собой современная Россия в цивилизационном отношении, то неизбежно будем наткаться на концептуальные вопросы, проблемы.

А без их проработки любая дискуссия становится по большей части если не бессмысленной, то не очень продуктивной.

В сферу моих исследовательских интересов в первую очередь входит сам цивилизационный подход в контексте социологической теории.

В своем докладе я прежде всего остановлюсь на двух основных вопросах.

Первый вопрос – о том, что, собственно, понимается под цивилизацией в социологии.

Второй – о цивилизационном статусе модерности.

Тема модерности является ключевой для социологии как науки, да и вообще для всего комплекса социальных наук.

И без ответа на этот вопрос мы не сможем, как мне кажется, дать ответ на вопрос о том, что представляет собой Россия в цивилизационном измерении.

Сначала я хотел бы провести важное разграничение, которое, как правило, игнорируется в дискуссиях о цивилизационном подходе.

Чаще всего говорят о противоположности плюралистических и универсалистских интерпретаций понятия «цивилизация».

Но сегодня для социологии на первый план вышло разграничение двух направлений именно в рамках плюралистического подхода, то есть подхода, который апеллирует к понятию цивилизации во множественном, а не в единственном числе.

И здесь сложились две традиции.

Одна – так называемая метаисторическая.

Она хорошо известна под именем теории локальных цивилизаций, и с ней чаще всего ассоциируется плюралистический цивилизационный подход.

Другая традиция – социологическая.

Здесь, конечно, тоже есть свои известные имена (Рисунок 4).

Прежде всего это классики социологии, да и не только социологии, такие как М. Вебер и Э. Дюркгейм.

И более современные, уже конца XX – начала XXI столетия ученые, такие как Б. Нельсон, Ш. Эйзенштадт, Э. Тирикьян, С. Аржоманд и Й. Арнасон, который в настоящее время является ведущей фигурой в социологическом поле цивилизационного анализа.

**Социологическая традиция
цивилизационного анализа: два ответвления**

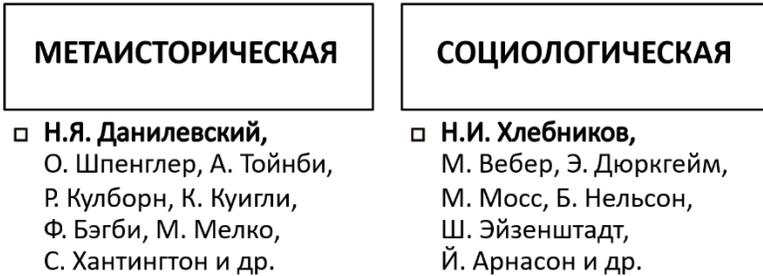

Рис. 4

Назову еще одно малоизвестное имя – Николай Иванович Хлебников (1840–1880).

Это российский ученый, историк, правовед и теоретик цивилизации.

Как ни удивительно, но он в одно десятилетие с Н.Я. Данилевским и совершенно независимо от него предложил собственную теорию цивилизаций.

Теорию, которая принципиально отличается от теории культурно-исторических типов Данилевского и своей типологией цивилизаций сильно напоминает гораздо более позднюю типологию культурных суперсистем П.А. Сорокина.

Примечательно, что теория Хлебникова оказывается чрезвычайно созвучна современным социологическим интерпретациям множественных цивилизаций.

Два отмеченных мной подхода придерживаются различных представлений о том, что такое цивилизация, исходят из разных теоретических предпосылок.

Метаисторический подход прежде всего опирается на субстанциальное определение цивилизации, носит эмпирический характер.

«Метаисторическим» он называется постольку, поскольку разрабатывался в основном историками, культурологами, антропологами, но не социологами.

Хотя зачастую именно этот подход заимствуется социологами, которые обращаются к цивилизационной тематике или используют эту методологию в своих исследованиях.

При этом они не проводят очень важного разграничения между двумя версиями плюралистического цивилизационного подхода, о чем я говорил выше.

В рамках субстантивистского подхода цивилизации понимаются как определенные эмпирически предзаданные образования (объекты), которые имеют свои отличия.

В этом случае задача исследователя состоит в том, чтобы нащупать эмпирические критерии выделения и различения цивилизаций.

Данный подход сводится зачастую к классификациям цивилизаций, к определению их перечня.

В общем-то, эта дискуссия до сих пор не привела к какому-либо окончательному решению.

Определенный консенсус относительно основных мировых цивилизаций, безусловно, существует.

Но возникает множество концептуальных проблем, которые ставят под сомнение само научное использование термина «цивилизация».

В социологии используется аналитическое определение цивилизации.

В соответствии с ним цивилизация понимается прежде всего как аналитическая категория, задающая определенную теоретическую перспективу исследования.

Аналитический подход дает возможность рассматривать самые разные социальные феномены с цивилизационной точки зрения.

Объединяет метаисторический и социологический подходы к цивилизациям ориентация на культуру как ключевую, исходную категорию анализа и исследования.

Но далее возникает очень важное различие.

Оно связано с тем, что теория локальных цивилизаций придерживается культурного детерминизма и редукционизма: культурные предпосылки локальных цивилизаций рассматриваются как культурные программы.

Очень частая метафора – уподобление культуры генам в биологическом организме.

Культура понимается как то, что программирует институциональное устройство, образ жизни, социальные институты, практики.

В основном подчеркивается инерционность исторического развития и замкнутость цивилизаций.

То есть некоторые межцивилизационные заимствования возможны, но, как правило, они не касаются культурных ядер различных цивилизаций.

В социологической традиции культурные предпосылки рассматриваются как культурная «проблематика» – констелляция тем, проблем и перспектив, открытая для различных и часто противоречивых интерпретаций.

То есть это не набор утверждений, имеющих характер окончательных решений, а ключевые темы и способы вопрошания о мире, которые конституируют ту или иную цивилизацию и определяют ее специфику.

Культурная проблематика носит латентный характер и принципиально не имеет окончательных ответов.

В метаисторической теории локальных цивилизаций акцент делается на гомогенности, единообразии, интегрированности, согласованности культурных предпосылок.

В рамках социологического подхода подчеркивается потенциал внутренних противоречий и конфликтов.

Конфликт интерпретаций – неизбежная характеристика любой цивилизации.

Точно так же подчеркивается способность цивилизаций к инновациям и прорывам, к трансформациям, обращается внимание на роль межцивилизационных взаимодействий в историческом процессе, которые принимают разную форму.

В рамках социологического подхода была разработана терминология, которая последовательно раскрывает понятие цивилизации в нескольких терминах.

Социологический подход в трактовке цивилизаций задан определением «цивилизационного измерения человеческих обществ» Шмуэля Эйзенштадта.

В рамках этого измерения выделяется два взаимосвязанных аспекта: во-первых, культурная интерпретация мира (космологические, или онтологические видения); во-вторых, определение, разграничение и регулирование институциональных сфер социальной жизни.

Особая комбинация интерпретативных и институциональных рамок образует «цивилизационный паттерн».

Воплощение того или иного цивилизационного паттерна в конкретных пространственно-временных границах обозначается термином «цивилизационный комплекс».

В том случае, если между цивилизационными комплексами возникает тесная взаимосвязь – либо через совместно разделяемые источники, либо через интенсивные взаимообмены, – говорят о «цивилизационных констелляциях».

Для обоснования особого цивилизационного подхода в социальных науках важно то, что понятие «цивилизация» несводимо к понятию «культура».

Хотя культура и составляет основу цивилизационного подхода, но в цивилизации не все сводится к культуре.

Взаимосвязь интерпретативного и институционального аспектов социальной жизни является определяющей в понимании того, что такое цивилизация с социологической точки зрения.

Поскольку культурные предпосылки цивилизаций не программируют институциональное устройство и образ жизни, не задают какую-то единую логику своего развертывания, то возникает некое пространство неопределенности, контингентности.

И в этом пространстве всегда идет борьба за интерпретацию и за определение социального и политического порядка, то есть вступает в игру уже властный фактор.

В рамках социологической традиции цивилизационного анализа первостепенное значение категории власти придается в теории процесса, или процессов, цивилизации.

Эта теория восходит к Норберту Элиасу, к его известному труду «О процессе цивилизации».

Работа была опубликована в 1939 году, но получила признание только ближе к концу XX века наряду с теорией цивилизационных паттернов и комплексов.

Непосредственно категория власти раскрывается Элиасом через фундаментальное понятие социальной фигурации.

Оно обозначает сети взаимозависимостей между социальными акторами с изменяющимся балансом власти в отношениях между ними.

Понятие социальных фигураций вводит в концептуальную схему социальной онтологии цивилизационного анализа социоструктурное измерение социальной реальности в дополнение к интерпретативному и институциональному измерениям (Рисунок 5).

Два ответвления социологической традиции цивилизационного анализа, несмотря на принципиальные различия между ними, в действительности взаимно дополняют друг друга.

Концептуальная схема социальной онтологии

Универсальные измерения социальной жизни	Особые сферы социальной жизни		
	<i>Культура (смысл)</i>	<i>Политика (власть)</i>	<i>Экономика (богатство)</i>
<i>Интерпретативное</i>	Особые рамки опыта, интерпретации и воображения		
<i>Институциональное</i>	Альтернативные домены институционального строительства		
<i>Социоструктурное</i>	Относительно автономные поля социальных отношений		

Рис. 5

Теория процессов цивилизации исходно разрабатывалась с опорой на унитарную концепцию цивилизации, и это в целом властечетричный подход.

Категория власти является для него центральной, в отличие от плюралистического подхода, отталкивающегося прежде всего от категории культуры.

Таким образом, в рамках социологического цивилизационного анализа ставится очень важная проблема отношения между культурой и властью.

Дело в том, что как культууроориентированная версия цивилизационного анализа, так и властечетричное его направление по мере своего развития, раскрытия

своих предпосылок неизбежно приходят к необходимости обращения к противоположной категории.

Эта неразрывная взаимосвязь культуры и власти составляет ключевую проблематику цивилизационного анализа в социологии.

На уровне социальной онтологии соотношение категорий культуры и власти раскрывается как взаимосвязь цивилизационных паттернов и социальных фигураций соответственно (Рисунок 6).

Интегративная концептуальная схема цивилизационного анализа в социологии

Рис. 6

Главным связующим звеном между цивилизационными паттернами и социальными фигурациями являются культурные интерпретации власти.

Цивилизационные паттерны различаются своими способами артикуляции и организации отношений между культурными моделями и структурами власти.

Мы можем сравнивать различные цивилизации и воплощенные в них цивилизационные модели с точки

зрения того, каким образом они организуют взаимоотношения между культурой и властью, в какой степени они допускают степень автономного развития для той или другой стороны.

Другой ключевой вопрос принципиальной важности касается цивилизационного статуса модерности.

В социологии цивилизационный подход к модерности базируется на положении о том, что в современном мире не приходится говорить о существовании самодостаточных, целостных локальных цивилизаций.

Скорее, вслед за Ш. Эйзенштадтом, следует говорить о множественных модерностях, при этом рассматривая саму модерность как новую и особую цивилизацию.

Вот эти два определения – «новая» и «особая» – являются принципиально важными в трактовке модерности как цивилизации.

Поскольку, если мы будем говорить о модерности только как о «новой» цивилизации, то будем, скорее всего, поддерживать универсалистские представления о модерности как цивилизации.

Если же мы будем говорить о модерности только как об «особой» цивилизации, то придем к отождествлению модерности с западной цивилизацией.

Это тоже очень распространенный подход в дискуссиях о модерности и цивилизации.

Можно говорить о цивилизационном парадоксе модерности, который актуализирует классическую проблему соотношения унитарной и плюралистической концепций цивилизации.

Выход из этого парадокса может заключаться в том, чтобы признать модерность одновременно и как особую цивилизацию, то есть рассматривать ее в рамках плюралистического подхода, и как новую цивилизацию,

приобретшую глобальный размах в силу встроенных в ее цивилизационный паттерн культурных ориентаций.

Что же именно формирует или конституирует цивилизационный паттерн модерности?

Что позволяет нам говорить о модерности как новой и особой цивилизации?

Это культурная ориентация, или культурная онтология с встроенным радикальным видением человеческой автономии.

Это определение принадлежит Эйзенштадту, но оно лишь некоторым образом более четко выражено им.

До него такого же рода или близкие к этому трактовки цивилизационной специфики модерности предлагались и другими учеными и мыслителями.

Важно отметить, что в данном случае, когда говорят о человеческой автономии, речь идет не о некоем нормативном принципе, который может быть сведен к индивидуализму или к либерализму.

Речь идет об онтологическом представлении, которое имеет, конечно, определенные идеологические проекции и нормативные последствия, но само по себе является метанормативным.

Как онтологическое представление оно характеризуется антиномичностью и противоречивостью и подвержено разным интерпретациям, которые кристаллизуются в полярные противоположности, или, если использовать выражение Эйзенштадта, «антиномии».

Таковы, например, выделенные им плюралистические и холистические, коллективистические и индивидуалистические интерпретации.

Могут быть приведены и другие дилеммы модерности.

Сама история социальных наук показывает внутреннюю противоречивость модерности как особого цивилизационного паттерна.

Социальные науки возникли в постреволюционной ситуации конца XVIII – начала XIX века и были своего рода контрапунктом к мысли эпохи Просвещения, которая, как полагали, реализовалась во Французской революции.

Социальные науки возникли с идеей ограничения человеческой агентности, которая проявила себя в современных революциях, прежде всего в американской и особенно во французской.

В определенном отношении политические революции конца XVIII века ознаменовали не только прорыв к модерности, но и кризис модерности.

Это был духовный, даже экзистенциальный кризис вследствие роста неопределенности, вызванного самими людьми, их стремления построить социальный порядок на санкционированных человеческим разумом началах.

В ответ на этот кризис, на новый исторический опыт неопределенности и случайности в жизни людей, порожденных усилиями самих же людей, и возникли социальные науки как новые способы интерпретации и осмысления положения человека в мире.

Весь кластер социальных наук возник с идеей ограничения политического волюнтаризма социальной закономерностью.

Внутренне присущая каждой цивилизации противоречивость в условиях модерности достигает беспрецедентного для мировой истории уровня.

Чрезвычайно развитая рефлексивная способность модерности – то, что отличает ее как цивилизацию от предшествующих цивилизаций.

Эта способность оказывает дестабилизирующее влияние на сложившиеся в домодерную эпоху цивилизационные формации, которые в условиях модерности существуют как в разной степени фрагментированные цивилизационные традиции и исторические наследия.

В результате на место множественных цивилизаций приходят множественные модерности.

Они могут рассматриваться как некие констелляции вариаций паттерна модерности и цивилизационных традиций, унаследованных из домодерной эпохи.

Но в цивилизационных констелляциях модерности доминирующее положение занимает модерный цивилизационный паттерн, в силу по меньшей мере двух обстоятельств.

Во-первых, его всеобщего референциального значения, которое предполагает, что, какие бы проекты контрмодерности ни предлагались и ни складывались, будь то внутри или вне Запада, они, так или иначе, все равно апеллируют к тем идеям и институтам, которые олицетворяют собой модерность.

Во-вторых, это уже упомянутая беспрецедентная рефлексивная способность модерности.

С учетом вышесказанного современное российское общество с точки зрения социологического цивилизационного анализа вряд ли может рассматриваться как самобытная цивилизация.

Скорее, оно представляет собой особую версию модерности, которая характеризуется особыми интерпретациями культурной проблематики модерности, вырабатываемыми во взаимодействии с собственными цивилизационными традициями, иными цивилизационными наследиями и заимствованными извне видениями модерности, в том числе альтернативными.

В XX веке Россия составила ядро «советской» версии альтернативной модерности, которая приобрела глобальное значение.

Однако претензия этой модели модерности на статус особой самостоятельной цивилизации не оправдалась, хотя исторический опыт и социокультурное наследие (включая его цивилизационные аспекты) советской модерности оказывают существенное влияние на современные траектории модерности.

Множественные конфигурации модерности складываются в пространственно-временных контекстах различного масштаба: от локального и национального до регионального и глобального.

И важно, рассматривая российскую версию модерности, обращать внимание на то, какие вариации она принимает на локальном уровне, и на то, как она переплетается с конфигурациями модерности, которые складываются на региональном и глобальном уровне.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Руслан Геннадьевич, за интересный доклад.

Талия Ярулловна, пожалуйста.

ХАБРИЕВА Т.Я.

акад. РАН, д. ю. н., директор Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

На сегодняшнее обсуждение вынесена тема, которая крайне актуальна.

Безусловно, междисциплинарная и содержательно невероятно объемная.

Она охватывает широкий спектр фундаментальных проблем, в котором переплетены философские, исторические, социологические, экономические, политические и многие другие аспекты.

Каждый из них репрезентован в целых научных направлениях и многочисленных концепциях, в чем мы сейчас имели возможность убедиться (имеются в виду заслушанные доклады).

Эта тема имеет проекцию и в юридической науке.

Цивилизационная тематика осваивается правоведами в разных ракурсах.

Категория цивилизации и результаты исследований наших коллег – не юристов, особенно в части содержательной характеристики данного феномена, классификации, исторической ретроспективы, используются в качестве инструмента познания государства и права.

Хорошо известен цивилизационный подход к типологии государства и права, которым были очарованы правоведы в начале 90-х годов прошлого века.

Тогда формационный подход пытались полностью заместить цивилизационным как в научных исследованиях, так и в процессе преподавания учебной дисциплины «Теория государства и права».

Правда, эта попытка ни к чему не привела.

Новых, выверенных типологий так и не было создано.

Дальше разработок А. Тойнби и Р. Давида наука не двинулась.

Творчески соединить цивилизационный и формационный подходы, которые на самом деле друг друга не исключают (о чем убедительно писал В.С. Степин), у правоведов тоже пока не получилось, хотя о таких намерениях было заявлено.

Но все же надо признать, что применение цивилизационного подхода существенно расширило рамки восприятия юридической наукой своего предмета и придало импульс развитию сравнительного правоведения, в определенной мере – теории государства и права.

Тот факт, что применение цивилизационного подхода не привело к прорыву в научном поиске, во многом объясняется многообразием трактовок цивилизации (существуют десятки определений и классификаций), некоторой аморфностью представлений об этом явлении, особенно в приложении к юридической материи.

Сложно использовать, например, в качестве критерия для типологии государства и права категорию «цивилизация», когда само это понятие точно не определено и имеет множество интерпретаций.

К сожалению, существуют некоторые заблуждения относительно совместимости и даже идентичности европейской цивилизации и, в терминологии А.В. Смирнова, российской культурно-исторической общности.

Андрей Вадимович отказывает России в статусе цивилизации, во всяком случае в той системе координат, в которой он выстраивает свои выводы.

Эти заблуждения привели к обширной, но малоэффективной практике «имплантации» в российскую правовую систему зарубежных правовых образцов и институтов, многие из которых так и не прижились.

Сейчас, как показывают наши исследования, эта тенденция преодолена.

Российское право развивается на более конструктивных началах.

Можно прогнозировать, что процесс «самоочищения» российской правовой системы (да и культуры в целом) будет продолжаться.

Но реальные масштабы и последствия цивилизационной экспансии европейской цивилизации в другие цивилизации и образующие их культурно-исторические общности через экспорт правовых образцов (в процессе практической реализации концепции догоняющей модернизации и повторение «отстающими» странами образцов «развитых» стран), в том числе в российскую правовую систему, еще предстоит оценить.

Полагаю, нам следует осмыслить применяемые с этой целью инструменты и практики, систематизировать соответствующее знание и, возможно, транслировать его в процессе подготовки юристов.

Российское государство в последние десятилетия прилагает много усилий для обеспечения безопасности российского общества и себя самого.

Это стремление отражено в актах стратегического планирования, нацеленных на обеспечение национальной, информационной и иной безопасности.

Возможно, пришло время поставить вопрос о необходимости обеспечения безопасности правовой системы (в терминологии некоторых авторов – правовой

безопасности РФ) и включении ее в число объектов, которые нуждаются в соответствующей охране.

Некоторые правовые инструменты защиты национальной правовой системы и правопорядка уже созданы и эффективно применяются.

Я имею в виду конституционные новеллы 2020 года, а также практику Конституционного суда РФ.

Но правоведам следует наращивать этот арсенал.

Почему я обращаю на это внимание?

Потому что формируются новые сферы (и предметы) правового регулирования, которые потенциально открывают возможности для продолжения цивилизационной экспансии.

Речь идет о сфере прорывных технологий (биология, генетика, медицина, информационно-коммуникационные системы, робототехника, искусственный интеллект и другие).

И в процессе создания необходимой регуляторики возникают проблемы правовой регуляции.

Владимир Вячеславович Козловский обратил на это внимание.

Воздействие новых технологий имеет проникающий характер в социальную, культурную, государственно-правовую жизнь.

Например, искусственный интеллект (ИИ).

Сфера новая, опыта мало.

У большинства государств его практически нет.

Многие государства, в том числе и Россия, находятся в поиске адекватных инструментов регулирования в этой области.

Но страны – мировые лидеры в производстве этих технологий создали и правовые образцы в этой части.

Есть законы об ИИ в США, Европейском союзе, Китае.

И есть соблазн заимствовать уже «изобретенный велосипед».

Тем более что в России сейчас идет работа над созданием собственной регуляторики, в частности, над цифровым кодексом, законом об ИИ.

Наша задача – сделать так, чтобы эти законы соответствовали нашему «генетическому коду» и, как говорил Андрей Вадимович, нашей отечественной рациональности.

Правоведы уже обратили внимание на тот факт, что юридическая доктрина (зарубежная) использует в качестве инструмента экспансию не только правовых образцов, но и ложных ориентиров.

В этом плане тема ИИ показательна.

Зарубежная наука на протяжении ряда лет продвигала тему правосубъектности ИИ.

Отечественные юристы в силу сформировавшегося пиетета и ощущения отставания от зарубежной науки и практики подхватили этот тренд.

Ощущение тревоги и осознание риска отстать от «просвещенного» Запада усилила резолюция Европарламента 2017 года, предусматривающая наделение в перспективе интеллектуальных систем правосубъектностью.

После ее принятия активность российских ученых усилилась.

Много сил было потрачено на разработку этой проблематики и выход на проектные решения, дискуссии и подготовку научных изданий.

И что мы видим в 2024 году?

В марте в Евросоюзе принят закон об ИИ, в котором нет и тени идеи о правосубъектности ИИ!

Совершенно другой замысел и содержание закона, согласно которому ИИ всего лишь объект субъективных прав и правовых режимов.

То, о чем сегодня говорил Андрей Вадимович, и его идеи в части понимания и рационализации принципиальных различий между цивилизациями может помочь:

– во-первых, открыть новую страницу в развитии сравнительного правоведения, ввести новые критерии для определения сравнимости или несравнимости тех или иных правовых конструкций, созданных различными правовыми системами (рожденными в недрах разных цивилизаций);

– во-вторых, послужить предтечей для фокусирования внимания исследователей на цивилизационных основаниях права и государства.

Нравственные, социальные основания были прекрасно показаны Г.В. Мальцевым.

Цивилизационные основания права могут в перспективе составить относительно самостоятельное научное направление;

– в-третьих, обогатить методологический инструментарий экспертной оценки правовых идей, предлагаемых нам зарубежной наукой, а также проектных и состоявшихся международно-правовых решений на предмет их идентификации в координатах общечеловеческого и всечеловеческого (универсального и псевдоуниверсального);

– наконец, в-четвертых, это знание позволяет взвешенно подходить к построению политического и правового пространства новых интеграционных образований (БРИКС и др.).

Учение о цивилизации в юридической науке «эксплуатируют» (в хорошем смысле слова) для развития идеи цивилизации права.

Это известная концепция В.Д. Зорькина.

Валерий Дмитриевич давно ее пестует и очень сильно сокрушается, что эта цивилизация, которой он служил всю свою жизнь, сейчас рухнет на глазах у всего человечества.

Профессор Зорькин исходит из того, что есть одна глобальная цивилизация права.

Такой высокий уровень обобщения делает его главный тезис метафоричным, отстраняющим стремление увидеть общее, особенное и единичное.

Речь идет о направлении использования концепции «цивилизация» в юридической науке, которое, по сути, ведет к формулированию нового предмета исследования («цивилизации права»), обозначающего результат человеческой деятельности, достижение человечества, среду обитания человека.

Учение о цивилизации, особенно идеи В.С. Степина, А.А. Гусейнова, А.В. Смирнова о типах и стратегиях цивилизационного развития, востребовано правоведами при изучении современного опыта и проблем глобального конституционного и правового развития, конституционных реформ XXI века.

Результаты подобных изысканий были опубликованы в «Вестнике РАН», а также в работах Института законодательства и сравнительного правоведения, в том числе, в книге, которую мы посвятили памяти В.С. Степина⁴.

⁴ Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020.

Необходимость обращения к этим идеям подтверждает новейшая практика конституционных реформ в ряде дружественных нам стран.

Так, чуть более года назад в Республике Узбекистан была принята новая Конституция.

В ней закреплена норма о светском характере государства.

Эта норма была неоднозначно воспринята народом республики.

Я сейчас подумала вот о чем.

Вероятно, население так отреагировало на данную конституционную новеллу не столько по причине неординарности тезиса о светском государстве для страны, в которой исповедуют ислам, сколько из-за различий в рациональности, на которой зиждется европейская цивилизация, продуктом которой является идея о светском государстве, и рациональности, характерной для арабо-мусульманской культуры (которые не раз обозначал академик А.В. Смирнов).

Первая – субстанциональная, вторая – скажем так, процессуальная.

Что с этим сейчас делать – большой вопрос.

Руководство страны наверняка будет проводить разъяснительную и просветительскую работу среди населения.

Даст ли она необходимый положительный результат, приживется ли данный конституционный подход в Республике Узбекистан, покажет время.

Еще один контекст в правоведении образует тема цивилизационных кризисов и правовых механизмов их преодоления.

Это отдельный большой вопрос.

На нем сейчас не буду останавливаться.

Наш институт ведет эту тематику.

Есть интересные наработки в части экологической повестки, охраны климата и так далее.

Тосунян Г.А.: Давайте мы теперь перейдем к вопросам по двум докладам, и потом уже – к обсуждению всех четырех докладов.

Коллеги, прошу вас.

Геннадий Петрович, пожалуйста.

к. г. н. АКСЕНОВ Г.П. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Аксенов Г.П.: Я историк науки и работаю в Институте истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН.

Поэтому меня интересует, когда появилась наука, какое место она занимает в обществе и в истории цивилизации.

Иначе говоря, как связаны между собой культура и наука.

Это для меня главный вопрос.

И вот основной тезис, которого я придерживаюсь, как и многие другие: без науки цивилизации не существует.

Если науки нет в данном обществе, значит, цивилизации тоже еще нет, и в этом обществе существует то, что мы называем культурой, то есть набором руководящих мифов, морали, правил, которые управляют данным обществом и скрепляют его.

К сожалению, два этих понятия – «цивилизация» и «культура» – мы все время путаем.

Но в такой дисциплине, как социальная антропология, никакой путаницы нет.

Цивилизация не обязательна, можно жить и без нее, но культура обязательно необходима, культура существует в любом обществе, самом неразвитом.

Тосунян Г.А.: Бескультурье – это тоже форма культуры?

Аксенов Г.П.: Разумеется.

В советское время в «Литературной газете» была такая формулировка – «культура хамства».

Это когда все поломано, загрязнено, полуразрушено и плохо работает.

Но это шутка, а на самом деле мы просто часто понимаем культуру как хорошие манеры, образованность, тактичность и вообще культурность.

Но в социальной антропологии под культурой понимается базовый уровень сообщества – любого, даже самого примитивного и природного.

Но цивилизация есть определенный, высший уровень культуры, другое ее качество.

Она появилась, как я считаю, только в Европе в XII веке.

И эта цивилизация сразу стала мировой, во всяком случае, вобрала в себя все лучшие достижения из других культур.

Причем иногда, в тех странах, где эти элементы появились, в дальнейшем они исчезли, потерялись, но в Европе сохранены и спасены.

Потому они и называются общечеловеческими, хотя скрепляющая основа их исходит из католического христианства.

Я думаю, что нельзя дать краткое определение цивилизации.

Она не простое явление, как какой-нибудь атом, для которого можно написать несколько формул и простых характеристик, они и будут являться его определением.

А цивилизацию как исключительно сложное явление можно только описать в наиболее существенных чертах.

Их должно быть, как говорят математики, необходимо и достаточно, чтобы мы точно понимали, о каком качестве идет речь.

В своей книге «Глубинная история человека: от христианства до ноосферы» я составил таблицу из 12 пунктов, которые описывают цивилизацию.

Важно, что все эти элементы должны составить целостность, они работают только все вместе.

Если нет даже одного из признаков, тогда мы должны говорить, что в таком обществе имеются некоторые – мало или много – элементы цивилизации.

Каждый признак и есть элемент, а все вместе они составляют цивилизацию.

Сейчас я перечислю эти пункты, вы их узнаете сразу.

1. Наличие индивидуальной личности.

Индивидуальная личность не равно понятию человек или индивид; эти качества не совпадающие.

Личностью надо стать, а не просто родиться.

Поэтому в христианстве личность воспитывается как индивидуальность, обладающая сознанием ответственности за собственное поведение и состояние.

Человек должен осознавать общественную роль как личное призвание.

Нельзя сказать, что общество цивилизованное, если личностей в нем недостаточно.

2. Благожелательное отношение к изобретениям.

Изобретение в любой сфере развивает общество.

Вы знаете, что у нас все изобретается.

Даже сама мировая история.

Причем в условиях цивилизации изобретение имеет имя – того человека, который что-то предложил.

Почему я это подчеркиваю?

Потому что в предыдущем обществе, которое в социальной антропологии называется культурой стыда, там изобретения не допускаются.

С ними трудно бороться, люди везде талантливы, но там плоды их подозрительны и в идеале не допускаются.

Иногда изобретение уничтожается вместе с его носителем.

Главный признак такого общества – культивирование традиций.

Поэтому никакого развития в нем не предусмотрено.

А в цивилизованном обществе развитие происходит.

Практика показывает, что развиваются в первую очередь инструменты умственного труда.

Сегодня мы это наглядно видим, и скоро всем предстоит осваивать искусственный интеллект.

3. Отсюда – технический прогресс.

В XII веке самые заметные изобретения – хомут и прямой руль на кораблях.

Первое позволило увеличить оборот грузов, второе – строить большие корабли, что привело к необходимости устройства портов, причалов, складов и так далее.

С тех пор мы и наблюдаем непрерывный технический прогресс в Европе. Она стала мастерской мира.

4. Самый существенный элемент цивилизации – наука, причем не только как средство познания, но как социальный институт.

Науку мы определяем как методы познания, имеющие объективную основу; в ней должны быть люди, способные ею заниматься и воспроизводить себе подобных в качестве ученых; они создают научные произведения и инфраструктуру познания: учебные заведения, лаборатории, библиотеки и так далее.

Но все это будет еще не наука, а только элементы науки.

Целостной наука становится, когда она востребована в обществе, когда она необходима.

У нас часто говорят: «античная цивилизация», «греческая наука».

Действительно, в Древней Греции существовала наука, но без последнего признака – востребованности.

Жили и работали великие философы, подлинные ученые: Пифагор, Эвклид.

Но общество существовало само по себе, согласно мифам, никакая наука на него не влияла.

Поэтому если строго, то надо называть Грецию и Рим попыткой цивилизации.

Многое было сделано, но не все, что необходимо.

5. Роль науки становится значимой при наличии хотя бы одной сферы в социальной жизни, которая использует научные знания, управляется научным образом.

Потому что общество может управляться чем угодно.

Начальник может управлять, колдун, священник, церковь может управлять и так далее.

А можно управлять на основе науки, тогда это цивилизация.

6. Такой сферой начиная с XII века в Европе стала деловая и экономическая жизнь, управляемая наукой права.

Древнее дело торговли существует везде, но здесь деловая жизнь и отношения преобразились под влиянием права, нотариата, письменных правильных договоров, деловых документов вроде накладных, финансовых документов вроде акций, облигаций, векселей и так далее.

7. Христианский источник цивилизации.

Человеком, сдвинувшим общество с мертвой точки, был папа Григорий VII.

Он совершил «папскую революцию», как ее называют сейчас, выступил против растаскивания церкви по национальным «квартирам», за единство ее во всем католическом ареале.

Папа провозгласил примат церкви над светскими властями в 1085 году, после чего император начал войну против Рима.

Центральным пунктом раздора стала инвеститура – назначение епископа.

Епископ – это самая главная фигура в церкви: кто его назначает в данной местности, тот и управляет.

А церковь тогда владела третью всей земли в Европе.

Война закончилась в 1122 году Вормским конкордатом, то есть компромиссом.

Было утверждено, что папа назначает епископа как главу церкви, а император вручает ему знаки власти над земельной территорией.

Для борьбы с императором церковь воспользовалась не своим моральным авторитетом, что было бы естественно, но наукой.

Рим присвоил себе право юрисдикции, то есть право издавать законы, и объявил их высшими по сравнению с законами светской власти.

Как раз в это время появился университет, и первой наукой, изучаемой в нем, стало право.

Затем были созданы еще богословский и медицинский факультеты.

В таком трехчастном виде университеты стремительно стали распространяться.

8. Возникла правовая система общества, независимая от власти князей, королей и императоров.

Ученые-юристы провозгласили источником права Бога, возникло понятие о естественном праве, то есть когда права на жизнь, свободу и в первую очередь на собственность принадлежат человеку по рождению, то есть по божественному происхождению.

А средством применения этой небесной справедливости и небесного суда среди людей стала процедура, взятая из римского права.

Так она и стала называться.

9. Города.

Следствием папской революции стала муниципальная революция: за сто лет возникли тысячи городов.

Причем главный признак европейского города, в отличие от других частей света, – самоуправление, наличие городских органов.

Соответственно, право стало необходимостью именно для города.

Бюргеру требовались все три выпускника университета: юрист вел его дела, врач заботился о телесном здоровье, а священник – о его душе.

В городе зародилась новая деловая жизнь: появились юристы, правовые договоры, все отрасли права – морское, административное, уголовное и так далее.

Тосунян Г.А.: Они еще в Римской империи возникли, никак не в XII веке.

Аксенов Г.П.: В Римской империи возникли сами юристы и суды, то есть практика права.

Но право как наука появилось с университетами после освоения античной учености, философии, риторики, диалектики и так далее.

Тосунян Г.А.: Спорный вопрос.

Аксенов Г.П.: Система образования, то есть школа, должна быть научная, а не религиозная.

Это десятый пункт.

11. Постоянный нравственный прогресс, который отсюда тронулся в путь, затем политический прогресс.

Возникла наука политология, были созданы первые трактаты об устройстве государства как публичного института.

Теперь античные достижения стали практикой.

Вскоре появились парламенты, но главное – автономная судебная система.

Таким образом, следствием папской революции стало первое разделение единой прежде власти.

Затем церковь была отделена от государства, но автономная юридическая негосударственная система существует с тех пор.

12. И самое последнее – индивидуальное ощущение вселенскости.

Это то, что теперь называется ноосферой.

Здесь возникает правильное представление о природном мире.

Итак, есть набор элементов цивилизации, их может быть много, мало, но когда они присутствуют все, тогда мы называем такое общество цивилизованным.

Это как матрица в математике.

Если хотя бы одного элемента нет, о цивилизации говорить нельзя.

И последнее, что я хочу сказать.

Мы все время говорим о странах и о государствах, что они цивилизованные или нецивилизированные.

По научному правилу, я думаю, от этого нужно уходить.

Цивилизуются люди, индивидуально, вот эти самые отдельные личности.

И количество этих людей определяет, цивилизованная страна или нецивилизованная.

Страны могут исчезать, и общества могут исчезать.

А человек – это более серьезная, как говорил Бердяев, мировая космическая сущность.

Поэтому к цивилизации люди присоединяются по одному, а не странами и народами.

Отсюда следует еще одно, что мало осознается: не личность – часть общества, а общество есть часть личности.

Мы можем входить в большое количество разнообразных обществ: я могу работать на предприятии, ходить в хор, в церковь, в какую-то математическую ассоциацию и так далее.

И все эти общества есть часть моей личности.

Я отделил от себя некую свою способность, склонность, потребность, объединил их с другими – и мы образовали общество.

Оно может быть экономическое – например, завод, биржа; политическое – государство или партия; научное – институт или университет.

Поэтому не личность является частью общества, а общество – частью личности.

Отсюда очень серьезные следствия для правильного понимания соотношения человека и всяческих институтов.

Тут кроется смысл цивилизованности.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Геннадий Петрович.

Михаил Федорович Черныш, руководитель ФНИСЦ РАН, член-корреспондент Академии наук.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., профессор, директор Федерального исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, я хотел бы поблагодарить выступающих за очень интересные доклады.

Мне хотелось бы обратить внимание на то, что доклады, которые делались в рамках разных дисциплин, в какой-то момент сошлись вместе.

В каких-то точках они начали сходиться, создавая некоторую область понимания того, что такое цивилизация.

Конечно, то, что говорил Андрей Вадимович, относится к области мировоззренческой, к области некоторых общих пониманий, области видения или, как он говорит, разума, который присущ определенным народам.

Но то, что говорили коллеги-социологи, свидетельствует о том, что этот разум не существует в отрыве от функционирующих институтов, от интерпретации и от способов легитимизации отношений между властью и обществом.

И мне кажется, если мы соединим это, то получим некий комплекс того, что мы можем понимать под цивилизацией.

Мы получим очень важную компоненту к пониманию цивилизации, а именно то, как она эволюционирует, ее динамику.

Безусловно, цивилизация – это устойчивое образование.

Но вместе с тем она обладает способностью развиваться, и она развивается.

Кроме того, цивилизация, как любые социальные образования, как все в этом мире, конечно же, смертна.

Перепрашивая Парето, можно сказать, что история человечества – это кладбище цивилизаций.

Но возникает интересный вопрос.

Находятся ли цивилизации между собой в состоянии латентной конкуренции, как разные типы модерна, о которых говорил Руслан Геннадьевич?

И нет ли здесь возможности понимать это явление через рефлексивность, о которой он говорил?

Пересмотр некоторых культурных оснований любой цивилизации в рамках той конкуренции, которая существует между ними, само качество рефлексивности, порождающее внутренние противоречия, в том числе и в том, что касается легитимации действующих институтов, отношений между властью и обществом, возникает не случайно, а как стремление к выживанию каждой конкретной цивилизации.

Иными словами, для того, чтобы выжить, цивилизации должны изменяться, производить изменения базовых институтов.

На этот аспект, как мне кажется, тоже нужно обратить внимание.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Андрей Вадимович, Вам слово.

акад. СМИРНОВ А.В. – к. социол. н. БРАСЛАВСКИЙ Р.Г.

Смирнов А.В.: Я тоже хотел бы поблагодарить Владимира Вячеславовича и Руслана Геннадьевича.

Конечно, и Надежду Александровну, но сейчас речь об этих двух докладах.

Я совершенно согласен с Михаилом Федоровичем.

Он, что называется, снял у меня с языка: для меня было поразительно, насколько близко то, чем мы занимаемся – социологи и мы в Институте философии.

И если удастся наладить такое взаимодействие, о котором говорил Михаил Федорович, будет очень здорово.

Вопрос я хочу адресовать именно Руслану Геннадьевичу.

Вообще можно многим это адресовать.

Но Вы, Руслан Геннадьевич, об этом упомянули, когда в самом начале классифицировали метаисторические и социологические концепции множественности цивилизации.

Там у Вас первым в метаисторических концепциях был Данилевский, Вы его поставили в этот ряд.

Конечно, с точки зрения просто множественности цивилизаций он может в этом ряду стоять.

Но стоит ли он в этом ряду, если суть концепции рассматривать?

Все же Данилевский, в отличие по крайней мере от некоторых, а может быть, и от всех, кто стоял в этой колонке, говорит о различии логик.

Ведь он же говорит о началах культурно-исторических типов, которые не передаются.

Заметьте, начала не передаются, а вовсе не то, что из этих начал вытекает.

О какой закрытости может идти речь?

Вы там характеризовали, что это теория закрытости, малых контактов, в отличие от открытых обществ.

У Данилевского речи об этом нет.

Напротив, он говорит, что культурно-исторический тип тем лучше развивается, чем больше он контактирует с другими цивилизациями.

И сам культурно-исторический тип – это содружество народов.

О какой закрытости здесь может идти речь?

Самое главное для меня – видите ли Вы это различие между Данилевским и прочими представителями так называемого цивилизационного подхода?

Потому что сейчас это все мажут одной краской.

Концепция Тойнби, или Шпенглера, или Сорокина – это универсалистские концепции, потому что они одинаково описывают разные цивилизации по одной и той же схематике.

Различается только содержание.

У Тойнби это изложено особенно ясно.

А у Данилевского не так: у него действительно есть некая общая схематика, это его «разряды» культурной деятельности.

Но все же у него есть идея начал, которые не заимствуются и которые для каждого культурно-исторического типа свои.

В этом смысле он существенно стоит вне этого ряда.

Просто вне.

Он по-другому понимает культурно-исторический тип и цивилизацию как его вершину.

Я не знаю, Вы согласны или нет?

Обращали ли Вы на это внимание, что Данилевского надо все-таки выносить из этого ряда в какой-то особый разряд?

Браславский Р.Г.: Андрей Вадимович, спасибо.

Вопрос, конечно, очень серьезный, касающийся определения принадлежности того или иного ученого, мыслителя к той или иной школе или направлению мысли.

Я считаю, что Данилевский принадлежит тому ряду, в котором он был мной указан.

Прежде всего можно сослаться на некоторую традицию, когда Данилевский рассматривается в ряду тех ученых, в котором он был обозначен.

В этом смысле уже есть определенный научный консенсус, который сложился вокруг фигуры Данилевского.

Хотя это еще не гарантирует истинности.

Я бы сказал, что в отношении каждого из упомянутых в том или ином ряду авторов, если мы начнем более детально, внимательно анализировать их труды, то мы найдем некоторые противоречия с теми классификационными схемами, которые мы к ним применяем.

Исследователи творчества Данилевского отмечали, что у него присутствует несколько планов.

Один план – плюралистический, который задал новую теорию культурно-исторических типов.

А другой план – универсалистский, философско-исторический, с сильными религиозными коннотациями.

Но мы можем и у Тойнби то же самое обнаружить.

В определенный момент своей творческой эволюции, в разработке своей концепции он покидает исходную цивилизационную рамку.

Он начинает говорить о мировых религиях и переходит уже к некоторым другим универсальным способам организации жизни, которые выходят за исходные рамки плюралистического цивилизационного подхода.

Скорее, можно говорить о том, что сами понятия «плюралистический» и «унитарный» образуют определенную проблематику.

И в той или иной степени некоторые отголоски этих концепций мы можем обнаружить в работах практически каждого автора, который писал на тему цивилизации.

Я бы все-таки в данном случае считал, что Данилевский вполне уместен в том ряду, в котором он был указан – именно как автор теории культурно-исторических типов, одной из первых версий теории множественных цивилизаций, которая была им сформулирована.

Это сделал именно Николай Яковлевич Данилевский.

Что касается разработанного им некоего универсалистского, или интегративистского подхода.

Действительно, культурно-исторический тип охватывает несколько народов, которые с той или иной вариацией развивают, разрабатывают некие общие начала.

Что касается соотношения между цивилизациями, то Данилевский использовал в этом отношении биологические, ботанические метафоры.

И они, в общем-то, скорее свидетельствуют в пользу закрытости цивилизаций, чем возможности какого-то глубокого и продуктивного взаимодействия между ними.

Цивилизация погибает в конечном итоге.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

СМОЛИН В.С.

научный сотрудник Института прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН

Я хотел сказать, что все понимают, что по поводу цивилизации у нас есть социальный заказ.

В его рамках надо обосновать то, что наша цивилизация особенная.

Но у меня несколько другое отношение к вопросам цивилизации.

Что, с моей точки зрения как исследователя интеллекта, является антитезой цивилизации?

Это эволюция.

Животный мир развивается по законам эволюции, и на разных континентах у него была своя эволюция.

А человек и общество развиваются по законам цивилизации.

Соответственно, в разных странах есть определенное своеобразие и какие-то виды возникли.

Но оба вида развития предполагают накопление знаний.

То есть если у животных это все накапливается в ДНК, то человечество выделилось из животного мира именно потому, что мы накапливаем новые знания.

Чем быстрее скорость накопления и обмена накопленными знаниями, тем более высокая скорость развития цивилизации.

Конечно, есть особенности национальной культуры, которые либо способствуют развитию цивилизации, либо, наоборот, тормозят его.

Но в целом уже поднимался вопрос о том, что неравенство всегда, в любом месте есть.

И проблема руководства страны состоит в том, чтобы за счет неравенства стимулировать своих граждан, чтобы ускорять прогресс.

Если это удастся, те страны становятся лидерами мирового развития.

Страны, где этот баланс хуже выдержан, отстают.

Возвращаясь к конфликтам цивилизации, которые сейчас на примере России с Украиной рассматриваются.

Все-таки конфликт происходит между США и Китаем.

Это два успешных типа развития цивилизации, которые приводят к эффективному экономическому росту, накоплению знаний.

Многие склонны говорить, что китайцы ни на что не способны.

Но если посмотреть на победителей математических олимпиад от разных стран, то это все китайцы.

И Австралию представляют китайцы, и Америку представляют китайцы, и Китай, естественно, представляют китайцы.

Можно рассматривать всевозможные аспекты развития цивилизации.

Но если мы не обеспечиваем рост знаний, которые мы используем в развитии нашей цивилизации, то и конкуренция как между отдельными субъектами, так и между странами снижается, то есть развитие цивилизации тормозится.

Вот, собственно, что я хотел добавить к тому, что сказано.

В принципе, очень интересно, я благодарен всем докладчикам.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Давайте уже будем подходить к итогам.

Олег Анатольевич Ефремов, пожалуйста.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н.

Благодарю.

Действительно, цивилизация – это достаточно сложный и устойчивый воспроизводственный комплекс.

Комплекс, за счет которого и посредством которого воспроизводится вся общественная жизнь.

Вряд ли – и это звучало в докладах – можно выделить какой-то один признак, который позволил бы классифицировать цивилизации.

Я даже не уверен, что тип рациональности, о котором говорил Андрей Вадимович, – безусловно, выступающий одним из признаков, – является основополагающим.

Простой вопрос: откуда берется этот тип рациональности?

Почему в одном случае формируется такой, в другом случае – иной?

Видимо, это часть некоего общего комплекса, который формируется в силу ряда объективных обстоятельств, может быть, случайных обстоятельств.

Самый главный, наверное, критерий достоинства цивилизации – это ее адаптационный потенциал.

То есть то, насколько она способна отвечать на вызовы, которые бросает ей среда.

И ее судьба – это судьба, в принципе, способности на них реагировать и осуществлять некую переконфигурацию, пересборку, которая продолжает обеспечивать воспроизводство.

Важнейшим компонентом этого адаптационного комплекса является как раз умение учиться у других, умение заимствовать то, что тебе необходимо, включая это в

свой адаптационный комплекс, в свой комплекс воспроизводства.

Кстати, Китай в этом плане очень интересен.

Потому что китайцы, несмотря на свое самомнение, которое, увы, присуще всякой великой цивилизации, всегда умели учиться у других.

Но всякий чужой опыт, который они перенимали, встраивался китайцами в свой воспроизводственный комплекс, за счет чего увеличивались его возможности.

Поэтому обособленность цивилизации – это не однозначный плюс.

Обособленность должна сочетаться с умением заимствования, переработки этого заимствования и включения его в свой аутентичный комплекс.

Чему, кстати, надо поучиться России.

В этом плане есть претензии к самобытникам, которые любое «исконное, посконное» объявляют достоинством просто потому, что оно – «исконное и посконное».

Как раз суть заключается в том, чтобы это «исконное и посконное» модернизировать, в том числе учась у других и заимствуя чужой опыт.

Это важнейший компонент успешности любой цивилизации, в конце концов – условие ее выживания.

Судьба цивилизации зависит именно от этого.

Благодарю, коллеги.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН

Не будучи ни социологом, ни экономистом, ни тем более философом, я с большим интересом прослушал это заседание.

Прежде всего отмечу, исходя из того, что говорили Михаил Федорович и все остальные.

Нас больше интересует не столько составляющая чисто фундаментальной науки, философии, сколько практические интерпретации.

То есть вообще сейчас в науке одно из основных требований – чтобы мы переходили к практическому использованию научных результатов.

Некоторое время назад мы организовывали семинар по мозгу.

И было бы странно, если бы мы рассказывали, какие существуют молекулярные механизмы работы мозга.

Ведь всех интересовала практическая сторона: как сделать так, чтобы мозг работал дольше и лучше.

Я думаю, что так же должно было бы быть и на этом заседании.

О чем идет речь?

О том, что мы с вами фактически рассмотрели только одну из сторон определения функционирования государства – цивилизацию, хотя существуют и такие характеристики, как демократия, коррупция и другие.

Это первое.

Второе, что мне хотелось сказать.

Я совершенно согласен с тем, что если говорить об общем историческом контексте цивилизационного развития, то можно выделить две основные компоненты,

которые исторически господствовали до определенного времени.

Это церковь (религия) и наука.

На самом деле методология науки была заложена не в XII веке.

Она была заложена в Древней Греции.

Мы сейчас работаем, например, в молекулярной биологии по методологии превентивной медицины, которая была заложена Гиппократом и Авиценной.

Со временем методологии не меняются.

Меняются технические возможности, меняются, может быть, наши представления, но не меняются принципы.

Что касается второго компонента цивилизационного развития – церкви, то по мере того, как наука набирает силу и влияние, церковь их теряет.

Во Франции, например, реперной точкой было начало XVI века, когда король Франции создал альтернативу консервативной и реакционной католической Сорбонне.

Был создан Коллеж де Франс – светский университет, и этот университет до сих пор функционирует.

Очень важно, что во всех, как я себе представляю, цивилизованных странах церковь отделена от государства.

Мне, например, удивительно, как на этом фоне, когда у нас тоже церковь отделена от государства, вдруг вводят в ВАК теологию как научную дисциплину.

Сначала говорили: мы введем теологию, но никаких диссертаций не будет. А сейчас уже есть и кандидатские, и докторские диссертации по теологии.

Мне это трудно понять.

Это одна линия.

Вторая линия – это то, что мы в конечном счете делаем все для того, чтобы как-то усовершенствовать работу государства.

Здесь мы должны понимать, какова роль личности в управлении обществом и государством.

Мы всегда ее отрицали, но на самом деле она крайне важна.

Скажем, на вершине государства – более оно демократическое или менее – стоят какие-то личности.

Были такие личности, как Де Голль, Миттеран, Рейган, и они в значительной степени определяли направление развития государств.

Но вопрос только вот в чем: как они определяют это?

Исходя из собственной интуиции?

Как правило, это люди образованные, но ограниченно образованные, они не могут всё знать, либо они опираются на какое-то экспертное сообщество.

Я могу привести конкретный пример.

Было время, когда мне приходилось много заниматься международными делами.

В этот период мы очень активно сотрудничали с Америкой, когда у власти был Обама.

Мы приехали с небольшой делегацией Академии наук в администрацию Обамы, чтобы обсуждать там вопросы сотрудничества.

Что меня по-хорошему поразило?

Во-первых, в администрации Обамы было пять нобелевских лауреатов.

Во-вторых, у каждого министра Обамы, не говоря о нем самом, были консультанты, члены национальной академии.

Сотрудники администрации – управленцы – понимали, что у них харизма, их выбрали.

И они могут повести за собой массы: могут в болото, а могут в хорошую жизнь.

Но они же понимали, что не с их мозгами определять это направление, что есть интеллектуальное сообщество, которое должно предложить им несколько концепций, и они уже выберут из этих концепций оптимальную.

Таким образом строилась работа Обамы.

То же самое во Франции: есть Академия наук, там люди очень рано вынужденно выходят на пенсию, и они работают в такой же плоскости.

Я ничего такого не знаю о нашей стране – скорее наоборот.

Это мне кажется принципиально важным?

Я выступал на общем собрании Академии наук, когда там начали говорить, что вообще наука у нас не должна быть политизирована.

Я говорил: как же она может быть не политизирована?

У нас ведущие специалисты по экономике, социологии, праву, и они не могут оставаться вне политики.

Мне кажется, что в любом случае академическое экспертное сообщество должно активно участвовать в жизни государства.

Последний момент.

Когда я слушал основной доклад, почему-то возникло ощущение, что я включил телевизор: рассказывали, что Запад, Старый Свет загнивают.

Они загнивают, нам не дают жить, делают разные козни нам и так далее.

Во-первых, я регулярно бываю в Европе и утверждаю: о том, что они загнивают, они узнают от нас.

Во-вторых, приведу вам одну цитату.
Потом скажу, в каком году это было сказано и кем.
Был такой великий человек, который сказал следующее.

Что вот эти славянофилы, как они могут, не внося в общую мировую копилку такой же вклад в науку и в искусство, как Старый Свет, как они могут говорить, что они должны научить – это я цитирую дословно – «гнилой Запад, как нужно жить».

Когда, вы думаете, это было сказано?

Это прозвучало в 1918 году в лекциях гениального нобелевского лауреата И.П. Павлова.

Так что я ничего нового тут не услышал.

Это просто способ объяснить то, что мы каким-то образом отстаем и так далее.

И Павлов, который был, как и Петр I, западником, как раз и говорил, что мы отстаем от Старого Света лет на 150.

Для того чтобы минимизировать этот разрыв, Петр и создал Академию наук.

Почему мы отстаем – это уже другой разговор.

Но мы должны догнать и идти либо вровень, либо опережать.

Я вам напоминал, что, когда Петром была создана Российская академия, это было гениальное событие, но там не было ни одного российского ученого.

Потому что ученых в России тогда вообще не было.

Сейчас мы отмечаем 300-летие Академии наук, ужасно убого отмечаем.

А когда было 275 лет, тогда в организации этого события принимали участие такие гениальные люди,

как Н.А. Платэ, и участвовали все президенты академий, в том числе европейских.

Интересно было поздравление президента французской академии Грюнберг-Манаго.

Она сказала: «Я вас поздравляю с этим замечательным праздником. Мы его тоже отмечали, правда, 150 лет назад».

Подводя итоги, я хочу подчеркнуть, что мы должны создать экспертное сообщество, которое помогало бы нашим руководителям определять оптимальную стратегию развития нашего государства.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

МАРДАНОВ Р.Х.

к. э. н., начальник Главного управления ЦБ РФ по Центральному федеральному округу

Я хотел бы поблагодарить всех докладчиков за очень содержательные, интересные доклады и за то, что погрузили нас в этот цивилизационный взгляд на развитие нашего общества.

Я тоже считаю, что цивилизационный подход может быть одним из наиболее продуктивных.

А как, на мой взгляд, стоит оценивать его продуктивность?

В той мере, в какой он позволяет отвечать на вызовы, стоящие перед обществом.

Я продолжаю то, с чего начал Михаил Вениаминович.

Только так, наверное, можно подходить.

Насколько по итогам цивилизационного анализа удастся найти эффективные ответы на те вызовы, которые стоят перед нашим обществом.

И не только, наверное, перед нашим, перед любым обществом.

С этой точки зрения два методологических доклада – Андрея Вадимовича и Надежды Александровны – мне тоже очень понравились.

Интересно то, о чем говорил Андрей Вадимович, его концепция цивилизационного взгляда.

Обычно используется традиционный подход, анализируются составляющие цивилизации: это культура, культура в широком понимании.

А Вы включаете в методологию анализа еще смыслополагание или образ мышления, который преобладает в той или иной цивилизации.

И это дает новые измерения.

Но, конечно, это очень сложный подход.

Для того, чтобы провести с его помощью анализ тех или иных цивилизаций и затем дать оценку того, насколько эффективна была та или иная цивилизация, в какой степени успешна, почему она получила преимущество перед другими и развивается, придется не только выяснить причины успеха, но и показать, почему был выбран конкретный путь, как он вытекает из господствовавшего образа мышления.

Это очень глубокий анализ.

Некоторые примеры того, как это можно осуществлять, Вы дали.

Если удастся его последовательно реализовать, и это уже есть в Ваших работах, то результаты, конечно, были бы очень интересными.

Тот подход, который Вы представили, Андрей Вадимович, на мой взгляд, более всего полезен и важен для культурно-исторического анализа.

Прежде всего для изучения того, как развивалась цивилизация, почему возникли те или иные общественные явления, как решались те или иные проблемы в различные исторические периоды, как, исходя из принятого образа мышления, находились ответы на те или иные вопросы, которые стояли перед обществом.

Это действительно очень интересно и важно.

Если же мы возвращаемся к актуальным проблемам, которые стоят перед нашим обществом, то тогда, скорее, надо обратиться к тому подходу, который представила Надежда Александровна.

Потому что, как правило, вызовы, которые сейчас стоят перед всеми обществами в мире, они очень близки.

И общность вызовов, на которые надо отвечать, определяет ту методологию анализа, которая должна быть использована.

Я с большим интересом читаю работы с результатами Ваших исследований.

Их три тома, Вы сказали.

Например, сразу возникает вопрос, почему цивилизационное развитие России полимодальное, то есть все время «шарахает» из одной стороны в другую, и все это в рамках вроде как одной цивилизации.

По-видимому, только с точки зрения цивилизационного подхода можно найти общие основания и показать, что это один, а не разные пути.

Или когда нам нужно обосновать, что у нас сейчас самобытное государство-цивилизация – «русский мир».

Очевидно, на основе цивилизационного подхода можно попытаться найти основания, на которых он базируется.

Хотелось бы, чтобы только на этих проблемах Вы не остановились.

Потому что на самом деле в практическом плане для нас, конечно, важны ответы на практические вызовы, которые в настоящий момент стоят.

И что здесь важно?

Почему та или иная цивилизация в определенный исторический период оказалась более предпочтительной?

И как найти эффективные решения и механизмы, которые сейчас могут помочь нам отвечать на стоящие перед нами вызовы?

Тем более это важно, если попытаться заглянуть в будущее.

А как двигаться к тому желаемому будущему, к которому мы все стремимся?

Насколько я понимаю, максимально широкий взгляд на жизнь и жизнедеятельность дает социология.

Шире взгляда, наверное, нет.

А цивилизационный подход – самый широкий с точки зрения охвата явлений и проводимого анализа внутри социологии.

Поэтому, наверное, для того, чтобы выбрать путь и найти ответы на вызовы, которые перед нами стоят, надо взглянуть так широко.

Надо учесть все особенности.

По-моему, Надежда Александровна, Вы сказали о том, что нам, вероятно, надо взглянуть на себя как на северную цивилизацию.

Геннадий Петрович очень остроумно, когда мы в кулуарах обменивались, сказал: «Я, когда на юг приехал, сразу сделал вывод: в этой местности, в таком благоприятном климате, социализм не построишь».

То есть вызовы, которые стоят перед северными обществами, исходя из цивилизационного подхода, принципиально другие.

И ответы, которые надо искать, по-видимому, должны быть другими.

Тем не менее хочу подчеркнуть, что из такого системного, широкого взгляда, включающего даже образ мышления, потенциально можно получить хороший результат.

Если исходить из вызовов, которые стоят перед нами, на которые нужно отвечать, нужно, на мой взгляд, обязательно включать в анализ ту составляющую, которая обычно относится к культуре.

Это ценности, целеполагание и способы организации деятельности.

Их использование позволяет более предметно показывать, как решались те или иные проблемы, как находились вызовы и как общество развивалось.

Мне кажется, без этого более конкретный ответ на стоящие вызовы будет найти сложно.

Я хочу пожелать вам успехов в вашем исследовании. Уверен, оно имеет очень хорошие перспективы. Проводите его, доводите до конца. С удовольствием будем следить за его результатами. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Пожалуйста, Павел Алексеевич.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – акад. УГРЮМОВ М.В.

Медведев П.А.: Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, Фрэнсис Бэкон умер, поэтому заступиться за него перед Михаилом Вениаминовичем некому, кроме меня.

Михаил Вениаминович, конечно, был Авиценна, но еще был Аристотель, которого физики 400–500 лет тому назад лютой ненавистью ненавидели, потому что он на две тысячи лет остановил развитие естественных наук.

Цивилизация в науку пришла 400 лет тому назад.

Именно с Фрэнсисом Бэконом, с его «Новым органом».

Конечно, был Авиценна, был еще Роджер Бэкон (анекдотическим образом фамилии совпадают: они не были родственниками, Роджер Бэкон жил на 400 лет раньше Фрэнсиса Бэкона).

Но еще Фрэнсис Бэкон сваливался к аристотелевской схоластике.

Настоящая наука началась именно 400 лет тому назад.

И это был цивилизационный рывок.

И биология, слава Богу, освоила эти идеи Бэкона, но не 400 лет назад, а лет 200, а медицина – лет 100 тому назад, скорее, даже 70, когда появилось понятие доказательной медицины.

Это все культура Фрэнсиса Бэкона, а не Аристотеля, и даже не Авиценны.

Угрюмов М.В.: Простите, но я говорил о Гиппократе.

И я говорил, что мы продолжаем работать по той методологии, которую он заложил.

Другой разговор, что есть качественные скачки.
Но не надо путать одно с другим.

Медведев П.А.: Я согласен с этим.

То, что наука развивалась непрерывно, безусловно; я еще раз повторяю, что Роджер Бэкон тоже был.

При этом я настаиваю на том, что перелом произошел 400 лет назад.

Перелом, после которого схоластика ушла из науки, из биологии в частности.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Теперь слово математику Гнусареву.

Математик и банкир между делом.

ГНУСАРЕВ А.В. – акад. СМИРНОВ А.В.

ГНУСАРЕВ А.В.
независимый эксперт

Гнусарев А.В.: Спасибо.

Михаил Вениаминович сказал, что нужно дать четкое короткое определение, несколько слов.

Наверное, в случае с цивилизацией это невозможно.

Но, если возвращаться к культуре, к большой культуре и цивилизации, к четырем большим культурам.

Есть такой, как сейчас принято говорить, кейс.

Я буду говорить о конкретном примере, но я думаю, что в мире таких примеров много.

Северная и Южная Корея – это все-таки разные цивилизации?

Или, как говорит современная молодежь, это что-то другое?

Здесь нельзя использовать Ваш пример про север и про юг, потому что вся территория Южной и Северной Кореи – это Московская область.

Смирнов А.В.: Я не кореист.

Но можно найти аналогии.

Были Северный и Южный Йемен, сейчас их нет.

И так далее, это не единичный случай.

Были Северный и Южный Вьетнам.

Конечно, это не разные цивилизации.

Как это могут быть разные?

Все зависит от того, как вы определите.

Гнусарев А.В.: Я с этого начал, что несколькими словами определить нельзя.

Смирнов А.В.: Я дал свое понимание, что такое цивилизация.

Это застывание в формах, которые вы можете пощупать, ментально или физически, этих всех частей морфологии большой культуры.

Это право, этика, эстетика, общественная организация, политические формы и так далее.

Вот это цивилизация.

Конечно, есть и короткие флуктуации, потому что Корея все равно объединится.

И Вьетнам объединился, и Йемен объединился.

И сам тот факт, что они объединились, уже есть свидетельство того, что это одна большая культура.

Другой пример – Вьетнам.

Это вообще единственный пример народа и культуры, которая сохранила свою автономию от Китая.

Но культурно Вьетнам (только не говорите никому, что я это говорил, потому что меня занесут в черные списки), но культурно Вьетнам – это китайская культура.

Это та же самая большая культура.

Вообще, китайская большая культура – это не только Китай, а вся Юго-Восточная Азия в той или иной степени.

Это и Япония.

Разные масштабы понятия цивилизации.

Тосунян Г.А.: Коллеги, кстати, интересно, что про объединение Вьетнама мы вспоминаем, про Йемен вспоминаем.

А объединение Германии как-то не звучит.

Тоже объединилась она, как ни странно.

Хотя там отличий было немало и в экономике, и в режиме управления.

Коллеги, давайте завершать.

Заключительное слово докладчикам.

СМИРНОВ А.В.

акад. РАН

Спасибо большое.

Я хочу поблагодарить всех, кто слушал и кто выступал. Поблагодарить за понимание, за непонимание, за вопросы. Потому что непонимание не менее важно, чем понимание, как вы сами знаете.

Хорошо, что было и то, и другое.

Спасибо.

Если можно, я использую это время, чтобы ответить на вопросы.

Все-таки коллеги в чате задавали их.

Наверное, будет невежливо не ответить.

Вопрос **Олега Мишина** из «Челинбанка»: «А разве нет африканской большой культуры?»

Я не африканист.

Очень может быть, что и есть.

Во всяком случае, там были серьезные царства.

Например, Эфиопия – более древнее царство, чем ислам. Правда, христианское, то есть не собственно африканское, но все равно.

Были и собственно африканские, есть современные африканские. Но я не африканист, не могу профессионально говорить.

Было бы интересно, если бы там была своя большая культура.

Алла Шептун спрашивает: «В формационном подходе пусковым механизмом смены формации была (и есть) революция в орудиях труда (К. Маркс).

Какие существуют революционные факторы (триггеры), запускающие развитие разных цивилизаций? Культурные? Социальные? Психологические? Политические? Религиозные?

Какие являются определяющими?»

Понимаете, этот вопрос много раз задавался, и даже сейчас он звучал.

Откуда берутся эти цивилизации? Почему они разные? Почему разные типы рациональности?

Я не знаю ответа на этот вопрос. И я не знаю кого-либо, кто мог бы ответить на этот вопрос.

Я могу только спекулировать, но эти спекуляции обладают чисто внешней привлекательностью, они не могут быть подтверждены.

Почему одни обращают внимание на действие как на первичную действительность, а другие – на субстанции, на материальные вещи?

Не знаю.

Не могу сказать.

Вообще, здесь много того, о чем я не успел сказать.

Крайне интересным было бы, конечно, сотрудничество с профессиональными математиками в этой области. Потому что, с моей точки зрения, математика – это наука о чистой связности.

Не знаю, согласятся математики или нет.

Но именно поэтому математика может преодолевать границы разных типов рациональности. Потому что любой тип рациональности основан на том или ином типе связности.

И если математика – это наука о связности, то она стоит поверх.

Это было бы очень интересно посмотреть здесь.

А так – да, действительно, это очень большое поле.

Спасибо за пожелания о дальнейшей работе, будем стараться.

Спасибо.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр. РАН

Коллеги, я тоже хотела бы всех поблагодарить.

И тех, кто выступал с докладами, и тех, кто задавал вопросы.

Действительно, очень важные акценты были поставлены, спасибо за реплики.

Мне было интересно услышать, как в концентрированном виде Андрей Вадимович изложил свою концепцию.

Хочу его поздравить с новой книгой «Слово и смысл», которая буквально в эти дни появилась на сайте нашего института, где он дополнительно проясняет свою позицию.

Было очень интересно услышать коллег-социологов, тема о цивилизационных моделях для нас актуальна.

Мы уже отметили между собой с Андреем Вадимовичем, что в формулировке продолжения темы «Российский проект цивилизационного развития» у нас в числе основных звучит понятие цивилизационной модели.

Скажу, что мы сконцентрировались на действительно фундаментальных вопросах.

Может быть, мы упустили в своих выступлениях некоторые практические планы, хотя они тоже, конечно, в наших исследованиях присутствуют. И третий том посвящен именно конкретным аспектам. Там рассматриваются гендерные проблемы как процессы цивилизации, экологическая практика, вопросы собственности, государства.

Конечно, мы не могли рассказать обо всех этих ракурсах.

И подчеркну, что я не претендовала на какую-то свою собственную концепцию цивилизации.

Свою задачу участия в обсуждении я восприняла, руководствуясь теми планами, которые мы с Гарегином Ашотовичем обсуждали на стадии планирования этого мероприятия.

Поняла эту задачу как рассказ о фундаментальных аспектах понимания цивилизации, которые нашли отражение в нашем институтском проекте.

Жаль, что, может быть, какие-то ожидания присутствующих коллег не оправдались в плане более практического ракурса.

Я надеюсь, что, может быть, представится возможность еще об этом поговорить.

Спасибо.

КОЗЛОВСКИЙ В.В.

д. филос. н.

Большое спасибо, коллеги, за то, что дали возможность познакомиться вас с нашими соображениями.

Конечно, я чрезвычайно благодарен коллегам – Андрею Вадимовичу, Надежде Александровне – за то, что смог живую услышать их взгляды.

Я читал уже труды Андрея Вадимовича, но непосредственно впервые сейчас это услышал.

Естественно, есть над чем подумать.

Возможно, нам надо найти некоторые общие нити, ту связь, о которой говорит Андрей Вадимович.

Я думаю прежде всего над тем, что было уже сказано выступающими.

Действительно, цивилизационный подход – это прежде всего некий ответ или стремление дать ответы на те жизненно важные вопросы, которые стоят перед современным российским обществом.

В этом, мне кажется, главная задача.

Фундаментом этого интеллектуального движения являются обращение к истории, культуре, ее многогранному развитию и реалии сегодняшней нашей жизни.

Поэтому ответ на вызовы цивилизационного развития – это, полагаю, главная задача, которую мы стараемся решать.

Спасибо большое коллегам за то, что дали новую пищу для плодотворной работы.

Прежде всего Гарегину Ашотовичу, который организует данный семинар, я в нем участвую уже на протяжении года.

Действительно, это очень продуктивно, по крайней мере, для меня лично. Возникают какие-то новые идеи, соображения.

Благодарю за эту возможность. Большое спасибо, коллеги. Всего доброго!

БРАСЛАВСКИЙ Р.Г.

к. социол. н.

Уважаемые коллеги, я хотел бы, конечно, поблагодарить прежде всего за возможность выступить и рассказать о своих идеях, своем понимании этого очень важного вопроса.

Хотел бы отметить, что мое занятие цивилизационной тематикой не вызвано каким-то прямым государственным заказом или актуализацией цивилизационного дискурса в политике. Этой темой мы в институте занимаемся довольно давно.

Я хотел бы также отметить обратное влияние политической актуализации цивилизационной тематики для той социологической традиции цивилизационного анализа, о которой я говорил.

Ее возрождение произошло в 70-е годы XX века, но в 90-е годы были на слуху другие подходы, прежде всего благодаря Хантингтону и его концепции столкновения цивилизаций.

Они совершенно отодвинули в тень те серьезные, фундаментальные теоретические разработки, которые не только были откликом на злобу дня, но имели дело с решением фундаментальных теоретических проблем, сложившихся в рамках социологии.

И было обращение к цивилизационному анализу именно как к фундаментальному научному подходу, который сохраняет как научную, так, конечно же, и практическую актуальность в наши дни, поскольку существует большая необходимость в выработке адекватных моделей понимания современной ситуации.

В заключение хотел бы сказать, что с большим интересом выслушал доклад Андрея Вадимовича.

Для многих, может быть, не очень привычно звучит такое выражение, как «арабский разум».

Для себя я могу, например, соотнести его с моделью множественных рациональностей, рационализаций Макса Вебера.

Мне кажется, здесь есть те точки соприкосновения, о которых говорил Михаил Федорович Черныш.

Здесь, я думаю, такое взаимодействие социологов и философов, историков философии и других культур просто неизбежно.

Спасибо.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Коллеги, перед тем как подводить черту и предоставить слово уважаемому сопредседателю нашего Совета академику Гусейнову Абдусаламу Абдулкеримовичу, я хочу попросить выступить Илью Теодоровича Касавина.

У многих присутствующих самые теплые воспоминания об известном философе – академике Теодоре Ильиче Ойзермане, выдающемся человеке, достойно прошедшем войну и многие другие невзгоды жизни.

14 мая исполнилось 110 лет Теодору Ильичу Ойзерману.

Вышла книга, посвященная этой дате.

Слово достойному сыну своего отца – члену-корреспонденту РАН Илье Теодоровичу Касавину.

КАСАВИН И.Т.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., руководитель сектора
социальной эпистемологии Института философии РАН

Уважаемые коллеги, говоря об этом отдельном факте, об этой отдельной книге, отдельном ученом, его биографии, судьбе, я хотел бы встроить этот небольшой разговор в ту тему, которую мы сегодня обсуждали, – в тему цивилизации.

Для меня самый важный аспект понятия цивилизации – то, что оно представляет собой понятие-проблему.

Это не просто понятие, которое имеет некий смысл, некое содержание.

Смысл этого понятия отличается амбивалентностью.

Иногда доходит до поляризационных дихотомий в содержании этого понятия.

Денотаты, которые покрываются значением этого понятия, сплошь и рядом конфликтуют друг с другом.

И это проявляется в тех фактах, которые нам хорошо знакомы.

Посмотрите на нашу, как бы ее ни представить, европейскую или всемирную цивилизацию второй половины XIX и XX веков.

Это цивилизация, в которой наблюдается очевидный цивилизационный прогресс.

Речь о научно-технической революции, развитии социальной политики, образования, здравоохранения и тому подобных вещей, которые иначе как прогресс, конечно, обозначить нельзя.

И вместе с тем, что у нас происходит в XX веке?

Две мировые войны, которые унесли несколько десятков миллионов человек, и это очень плохо гармонирует вообще с понятием какой-либо цивилизованности, цивилизации.

С одной стороны, все в этой цивилизации делается для того, чтобы обеспечить, развить, сохранить человека.

А с другой стороны, это цивилизация, в которой ценность человеческой жизни совсем не выросла, а наоборот, даже уменьшилась.

Я об этом говорю потому, что значительную часть этого периода, а именно почти 103 года, застал наш герой – Теодор Ильич Ойзерман, академик РАН, философ.

Он родился в 1914 году и ушел из жизни в 2017-м.

Помимо философских трудов он писал и работы художественного плана.

Еще в юности опубликовал ряд художественных рассказов в толстых московских журналах.

И все же его писательская карьера не сложилась.

Тем не менее вот этот художественный дар и интерес к литературе как к способу выражения своих мыслей у него остался.

Он выпустил уже в очень пожилом возрасте книгу афоризмов, имевшую, на мой взгляд, успех.

В последние годы жизни он работал над своими, как он их назвал, автобиографическими заметками – над книгой, которая получила название «Запечатленное время».

Она вышла в этом году в издательстве «Центр гуманитарных инициатив», примерно 20 авторских листов.

Книга снабжена введением, послесловием, блоком фотографий.

Я привлекаю ваше внимание к этой книге потому, что, во-первых, это свидетельство времени.

Человек рассказывает о периоде, начиная со своего раннего детства в маленькой украинской деревушке, где он родился, в черте еврейской оседлости.

И заканчивает своим существованием уже в качестве известного, в том числе и в мире, ученого, академика, автора многих книг, заслуженного человека.

Это то, что я отметил бы с одной стороны.

Со второй стороны я бы отметил, что это все-таки художественное произведение. К нему так надо относиться. Это просто очень интересное чтение. Об этом говорю не я, а многие уже сказали.

Наконец, последнее, что очень важно и что делает эту книгу, на мой взгляд, уникальной.

Это человек, который не только прожил жизнь.

И не только тот, который эту жизнь описал.

А это человек, который очень глубоко мыслил по поводу этой жизни и своей способности выразить свои мысли по поводу этой жизни.

В этой книге это все сплетено.

И самое последнее.

Знаете, есть такое высказывание: философия – это дело свободного человека.

Теодор Ильич в данной книге пытался показать, как в условиях, вообще-то говоря, несвободы можно было заниматься философией.

Заниматься серьезно, честно и достигать каких-то результатов.

На мой взгляд, у него это получилось.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Абдусалам Абдулкеримович, если можно, Ваше заключительное слово.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Я, конечно, прежде всего хочу сказать, что получилось очень интересное обсуждение.

Когда я услышал первый доклад Андрея Вадимовича, я понял, что мы попали на академический теоретический семинар.

Потом, когда уже мы все доклады услышали, я понял, что это целая академическая сессия.

Это такое обсуждение философами и социологами исключительно важной, спорной темы – цивилизация.

И очень хорошо, что сами доклады, которые представили Андрей Вадимович и Надежда Александровна, независимо от того, какой у них был изначально замысел, они дали основу для такой полемики, для изложения разных взглядов, подходов к проблеме цивилизации. Причем обозначив это самым жестким образом.

Цивилизация во множественном числе или в единственном числе?

Много их, или это все-таки одна цивилизация?

Здесь возникал вопрос, откуда и почему разные цивилизации.

Андрей Вадимович сказал, что он не может ответить на этот вопрос. Я даже не знаю, нужно ли нам искать ответ на этот вопрос. Потому что факт существования разных цивилизаций, мне кажется, несомненен.

Любой человек, который внимательно следит за жизнью, не в широком даже смысле, а в прямом смысле, живя в России, он не может не знать, что существуют разные цивилизации.

Не только в мире, они здесь у нас существуют.

Элементарный вопрос, с которым я в свое время сталкивался.

Мы обсуждали проблемы культуры, различие культур, диалог культур и так далее, наличие людей, которые говорят одновременно на двух языках, и могут ли оба языка считаться родными и являются ли таковыми.

К примеру, я до семи лет вообще не знал ни одного русского слова (радио в нашем селе также не было), я вообще не знал русский язык.

А потом я вошел в мир русской культуры.

И хотя на своем родном языке сейчас я уже не могу говорить так свободно и с таким богатством слов, как на русском языке, но тем не менее это мой родной язык.

И я непосредственно могу говорить на нем, когда нахожусь среди своих земляков. У себя на родине я самым естественным образом перехожу на родной лезгинский язык, подобно тому как, взбираясь на гору в родном селе, я напрягаю другие мышцы своего тела.

И возникает вопрос: что это?

Ведь язык – это специфический, хотя и не обязательный, но очень важный показатель культуры, который ее фиксирует.

И как тут быть?

Действительно, я, скажем, не только в смысле языка, но и в смысле разных привычек своих чувствую, что тогда, когда я нахожусь в своей привычной московской среде, я другой, чем тогда, когда попадаю в свой родной аул.

И моя русская жена мне как-то сказала: «Слушай, когда ты в ауле, ты совсем другой».

Она это заметила.

Тогда я стал думать, и мне пришел в голову такой образ.

Это, знаете, когда человек имеет два или более костюма.

Или, еще лучше, когда у него есть строгий костюм и более свободная повседневная форма.

Он одновременно надеть на себя и то и другое не может.

Ему надо выбирать.

Человек всегда может носить одни брюки, одну рубашку, если это мужчина, одно платье, одну кофту, если это женщина.

Что-то определенное, что-то одно.

Вот так приблизительно в данном конкретном случае с двумя языками, которые стали для тебя родными.

Ты не можешь одновременно говорить на двух.

И сам этот факт – это маленький пример того, что существуют разные цивилизации.

Коллегам, которые говорили, что этот подход – разные цивилизации или одна – не так существен для России сейчас, я посоветовал бы более внимательно посмотреть, что происходит.

Почему вдруг весь мусульманский Кавказ обзавелся специфическими бородами?

О чем это говорит?

Это все не так просто.

Так что эта идея о разных цивилизациях, конечно, она очень серьезная.

И не только в плане правильного философского ориентирования в мире, фиксации больших культур, но и в более конкретном взгляде на организацию нашей повседневной жизни.

Если мы признаем идею о том, что, конечно, существуют разные цивилизации, что цивилизации мы можем

употреблять во множественном числе, тогда возникает другой вопрос.

Все коллеги, которые выступали, или большинство (я не считал), невольно исходили из другого понимания цивилизации.

Цивилизация как определенный высокий уровень развития общества в определенных или во всех своих итоговых, значимых для людей, предметно фиксируемых параметрах.

То есть они исходили из исторического взгляда на развитие общества, рассматривая при этом цивилизацию как более высокую ступень, которой мы когда-то достигли, на которой мы находимся и которая дальше развивается.

Это представление, которое сложилось, действительно, в рамках формационного подхода.

Но еще раньше формационного подхода – в рамках взгляда на историю, когда в ней выделяли стадии: дикость, варварство и цивилизацию.

Именно в этом ряду, где была дикость, потом появилось варварство, следующим этапом становится цивилизация.

Цивилизация с определенными признаками разделения труда, возникновения государства, отделения духовного производства от материального.

Это довольно четкий набор признаков.

И потом уже – развитие самих этих формаций в рамках самой цивилизации.

Мне кажется, что этот взгляд на цивилизацию как на определенный уровень развития, более высокий современный уровень развития общества, он, конечно, не случайный.

Он обоснованный, содержательный, он выражает очень важные вещи, важную фундаментальную характеристику нашего общественного существования.

И мне кажется, используя понятие цивилизации теперь уже во множественном числе, надо обязательно соотнести его с понятием цивилизации в историческом смысле, как определенного этапа развития всего человечества.

Которое развивалось хотя и в виде разных обществ, но тем не менее развивалось по одной линии, которая определялась прежде всего развитием наук и технологий.

Соотнести, как в рамках этой цивилизации во множественном числе, как в этих категориях можно выразить идеи, которые были в понимании цивилизации как определенного высокого исторического этапа развития.

Андрей Вадимович говорит, что формационный подход применительно к другим цивилизациям показал свою слабость, что он не получил подтверждения.

Это, в общем-то, конечно, верно.

Получился сбой даже при применении этого подхода к истории России.

Но при этом нельзя отрицать тот факт, что все цивилизации, которые выжили, те четыре даже, которые сейчас называются, они сегодня и вступили в конкуренцию друг с другом на почве решающей роли прежде всего экономического уровня, экономических достижений.

Именно способ производства явился платформой, на которой они сошлись между собой.

Как говорится, люди гибнут за металл.

И с этой точки зрения, оказывается, и Индия, и Китай, и Россия, и тем более Запад, который является в этом

отношении законодателем, – все они существуют в одном поле.

И мне кажется, в отношении тех двух различий, которые уже в первых докладах были обозначены, нужно найти не то, что их синтез. А их соотношение, соединить, состыковать между собой. Нужно, чтобы в рамках каждого из подходов получило свое место и то рациональное, что содержится в другом подходе.

Я, может быть, немного неуклюже выразился, но идея, думаю, понятна.

Чтобы на языке цивилизаций во множественном числе выразить идею развития цивилизационного единства. И наоборот, в рамках взгляда о единстве цивилизационного развития понять и учесть цивилизационные различия.

Еще один момент я хотел бы отметить.

Уже применительно к современной теме, хотя Руслан Геннадьевич говорил, что это не ответ на конъюнктурный запрос.

Это правда, что эти проблемы очень активно обсуждались в 70-е, 80-е годы в рамках развития общественной науки у нас в стране.

Помню даже время, когда обозначение советского общества как особой цивилизации считалось новой постановкой вопроса.

И в этом смысле своя научная логика существует в том, что эта проблематика выходит время от времени на поверхность и приобретает особую злободневность.

В конце концов, Данилевский – русский мыслитель, который является классиком в этом вопросе.

Так что это вопрос не конъюнктурный, но тем не менее это вопрос, который имеет очень большое, животрепещущее значение.

Он в этом смысле очень актуальный.

Мне кажется, у людей существует некое цивилизационное ощущение.

Некое чувство принадлежности к определенной цивилизации, определенной культуре.

Оно имеет непосредственный характер, не всегда получая или даже, как правило, не получая своего адекватного идеологического выражения.

Я не знаю, в рамках теории цивилизации оно зафиксировано или нет.

Но я думаю, у человека мыслящего существует такое ощущение – ощущение цивилизованности, принадлежности к цивилизации.

Например, я могу рассказать о своем ощущении.

Когда я, будучи студентом, аспирантом, работал в рамках социалистического общества, марксизма и так далее, у меня было ощущение того, что я нахожусь в самом центре мира.

Ощущение того, что я нахожусь именно там, где творится история, где действительно обсуждаются самые важные вопросы.

Где истина? Где ложь?

Не было сомнения, что мы живем в справедливом обществе, читаем лучших писателей, гордимся настоящими героями.

Мы первыми идем к коммунизму – лучшему обществу на Земле.

Словом, мы в центре.

Как говорится, от Кремля начинается земля.

Что касается настоящего момента, то сейчас у меня нет ощущения, что я нахожусь в центре.

И речь идет не просто о каких-то моих личных психологических нюансах, возрастных особенностях и так далее.

А речь идет о некоем ощущении, которое задано всей организацией жизни: всей логикой, приоритетами,

ценностными ориентациями, которыми живет общество, вокруг которых складываются наши собственные представления.

В этом смысле, мне кажется, поиски и цивилизационные исследования, хотим мы или не хотим, они являются косвенным отражением некоторого слома, сдвига в самом ощущении нашей цивилизационной принадлежности, нашего места.

Откуда мы смотрим на вещи в мире – с угла, из центра?

Ведь цивилизации, сколько бы много их ни было, хотя они могут быть и являются локальными, но тем не менее каждая цивилизация имеет свой взгляд на весь мир.

Имеет не локальный взгляд, а универсальный взгляд на развитие мира, развитие общества, на цели человека, человечества, имеет свое понимание истины.

И ни одна цивилизация не будет говорить о себе, что она есть нечто частичное, неполноценное или еще что-то в этом роде.

Какой бы локальной ни была цивилизация, у нее не может быть локального сознания.

Мне кажется, именно высокий академический, теоретически выдержанный уровень обсуждения темы позволяет увидеть ее необычайную актуальность, прямую связь с повседневностью нашей общественной жизни, с особыми рода конфликтами, которые наша отечественная культура уже, казалось бы, давно преодолела.

Так что я еще раз хочу поблагодарить всех наших докладчиков за доклады и за то обсуждение, которое они вызвали.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо большое.

Коллеги, конечно, не удивительно, что мы сегодня так увлеклись этой безумно интересной темой с такими великолепными докладами.

В результате мы дошли до пятичасового рубежа по времени заседания.

Я с огромным удовольствием слушал Андрея Вадимовича, потому что, видимо, от длительного общения я стал его лучше понимать.

Раньше я жаловался, что мне квантовая механика дается проще, чем его труды.

Но, видимо, общение дает свои результаты.

Андрей Вадимович начал с того, что покритиковал мой дилетантский подход относительно общности человечества как единой цивилизации.

Я сразу хочу сказать: единство человечества как организма и единство цивилизации – все-таки разные вещи.

Возможно, я не смогу в этом вопросе Вам оппонировать с должной аргументацией.

Но Вы сами не раз подчеркивали, и все это поддерживают – и докладчики, и выступающие, что все люди очень разные. Однако болезни у людей очень схожие, более того, у всех две ноги, две руки и так далее.

Разность и сходство – это взаимодополняющие факторы.

Тем не менее очевидно, что объединяющим фактором является то, что люди – это в первую очередь люди.

Существует определенно что-то, что объединяет всех людей.

Какую бы культуру, какую бы цивилизацию ни представлял тот или иной человек, надо добиться того, чтобы каждый понял, что население Земли должно дорасти до осознания того, что у людей с любым цветом кожи, любой веры, любой национальности гораздо больше общих проблем, и они намного более серьезные, чем те, которые людей разъединяют!

Нужно дорасти до понимания того, что над этими проблемами надо начать работать более интенсивно.

Иначе мы просто разрушим этот организм.

И не останется ни рук, ни ног, не останется ни одной, ни другой, ни третьей цивилизации.

Физики-теоретики давно работают над созданием единой теории поля.

Есть электрические поля, магнитные поля, теперь открыли гравитационные поля. Есть слабые и сильные взаимодействия в микромире.

Но все-таки есть понимание, и постепенно физики дозрели до того, что существует единое, объединяющее поле, которое в определенных проекциях проявляет себя в разных модификациях.

Мы уже говорили о корпускулярно-волновом дуализме, который заложен в микромире.

С одной стороны, элементарные частицы – это частицы, а с другой стороны – это электромагнитные волны.

Есть эксперименты, подтверждающие, что это частицы. В том числе свет – это поток фотонов, частиц.

А есть доказательство того, что это просто электромагнитные колебания.

В этом смысле это поиск единства проблем, которые носят общий характер. Несмотря на то, что есть различия, проявляющиеся в том числе и в этом дуализме.

Не думаю, что за основу надо брать разделение человечества и решение проблем каждой из цивилизаций в отдельности. Лучше искать решения исходя из презумпции общности проблем.

Вы интересно и абсолютно аргументированно говорили о том, какую роль играет знание языка, вхождение в другую культуру – по рождению или нет.

И Абдусалам Абдулкеримович своим примером это подтвердил.

Ты приходишь, оказываешься в другой среде, из которой ты когда-то вышел, и ты уже ведешь себя немного иначе.

Поэтому мы в таком дуализме должны искать решения исходя из концепции, которая основана на позитивном понимании единства человечества, минимизируя противоречия, которые возникают в силу разных культур и разного воспитания.

В человеческом организме тоже много противоречий, очень много вирусов, которые уживаются со здоровыми клетками.

И именно в гармонии такая флора создает здорового человека.

Если какой-то из элементов флоры уничтожить антибиотиками или другими способами, иммунитет резко падает и организм начинает чаще болеть. Организму нужен постоянный тренинг, поддерживающий иммунитет!

Думаю все знают фразу «...все, что нас не убивает, делает нас сильнее».

Конечно, войны и катаклизмы, которые сегодня происходят, это очень болезненно для организма.

Но если организм не умирает – а я надеюсь, что он все-таки не умрет, даже несмотря на очень высокие риски, – то иммунитет усиливается после этой болезни.

После Первой мировой войны появилась Лига Наций.

После Второй мировой войны была создана ООН, сформировались международные институты, уже более разнообразные и высокого уровня.

Но оказалось, что и они недостаточно эффективны.

Человечество продолжает развиваться с учетом технологической революции и инноваций. Оно выходит на новый уровень конфликтов и непонимания друг друга.

Но это болезнь роста.

Я как оптимист считаю, что мы в обозримом будущем преодолеем эту болезнь роста и выйдем уже на другой уровень международных отношений и международных институтов.

Так что я думаю, что наша дискуссия очень интересная, очень содержательная внесет свою скромную лепту в развитие человечества.

Прекрасные доклады сделали все докладчики.

Я сердечно благодарю Владимира Вячеславовича, Руслана Геннадьевича, Надежду Александровну и Андрея Вадимовича.

Но материал настолько глубокий и богатый, что он потребует еще и очень серьезной домашней работы.

Спасибо всем.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, открытых дискуссий
Президента АРБ и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН

- Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
 9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
 10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
 11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
 12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
 13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
 14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН

- Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «Особый». 2023-й риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
 16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
 17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
 18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
 19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
 20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
 21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред.

- академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
27. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
28. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.

29. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
30. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
31. Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
32. 2023-й итоги. 2024-й перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
33. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
34. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
35. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.

36. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
37. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

Цивилизационные основы РФ

**Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
25 мая 2024 года**

Электронную версию сборника и презентации докладчиков можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 16.01.2025
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 12

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепрпетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.